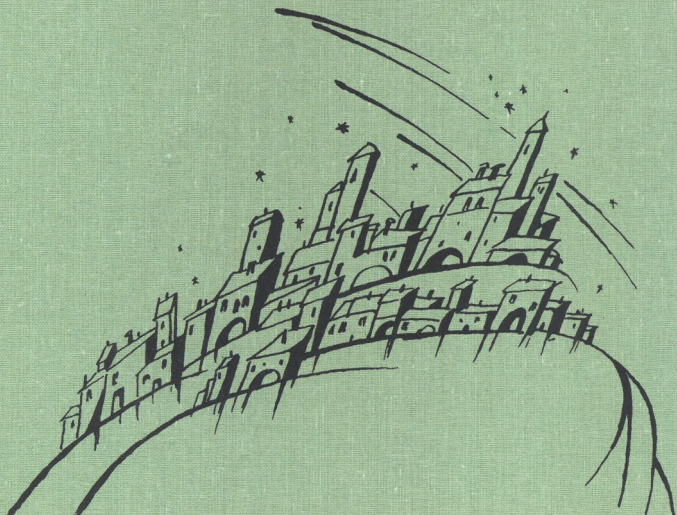
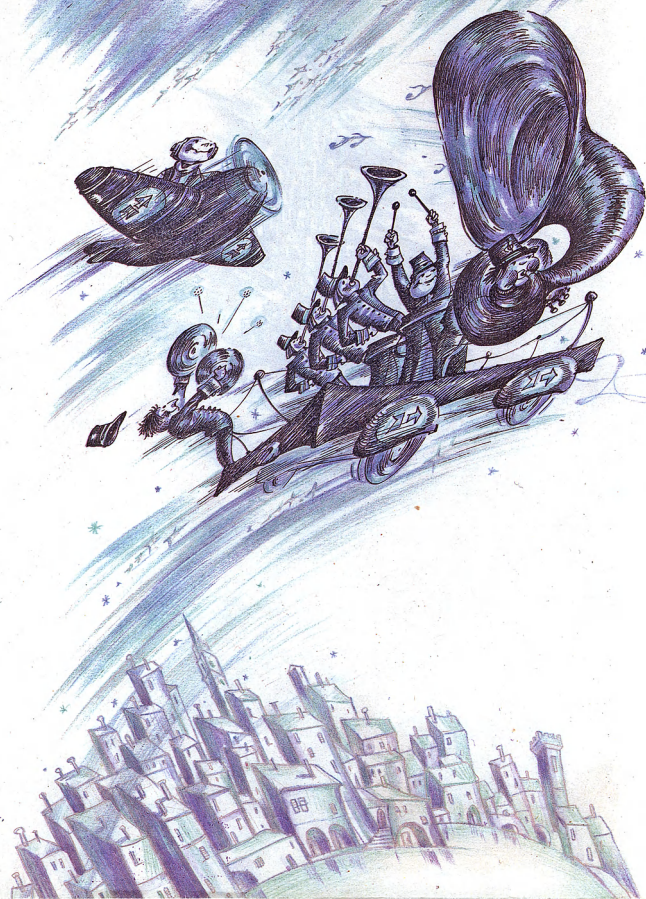

ДЖАННИ РОДАРИ

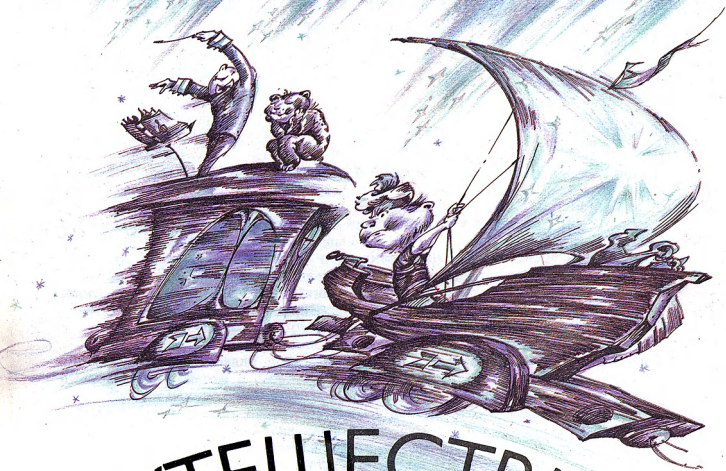
ПУТЕШЕСТВИЕ
ГОЛУБОЙ
СТРЕЛЫ

ДЖАННИ РОДАРИ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ГОЛУБОЙ
СТРЕЛЫ

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1993

ББК 84.4 Иг
Р60

Художник В. РОГАНОВ

Родари Дж.
Р 60 Путешествие Голубой Стрелы. — М.: ТЕРРА, 1993. — 128 с.: ил.
ISBN 5-85255-281-X

Р 4804000000 - 035
А 30(03) - 93 Без объявл.

ББК 84.4 Иг

ISBN 5-85255-281-X

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

СИНЬОРА БЕЗ ПЯТИ МИНУТ
БАРОНЕССА

Фея была старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса.

— Меня называют, — бормотала она иногда про себя, — просто Фея, и я не протестую: ведь нужно иметь снисхождение к невеждам. Но я почти баронесса; порядочные люди это знают.

— Да, синьора баронесса, — поддакивала служанка.

— Я не стопроцентная баронесса, но до нее мне не хватает не так уж много. И разница почти незаметна. Не так ли?

— Незаметна, синьора баронесса. И порядочные люди не замечают ее...

— Но хватит об этом... Примемся за работу.

Было как раз первое утро нового года. Всю ночь напролет Фея и ее служанка путешествовали по крышам домов, разнося подарки. Их платья были покрыты снегом и сосульками.

— Затои печку, — сказала Фея, — нужно просушить одежду. И поставь на место метлу: теперь целый год можно не думать о полетах с крыши на крышу, да еще при таком северном ветре.

Служанка поставила метлу на место, ворча:

— Хорошенькое дельце — летать на метле! Это в наше-то время, когда изобрели самолеты! Я уже простудилась из-за этого.

— Приготовь мне бокальчик цветочного отвара, — приказала Фея, надев очки и садясь в старое кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом.

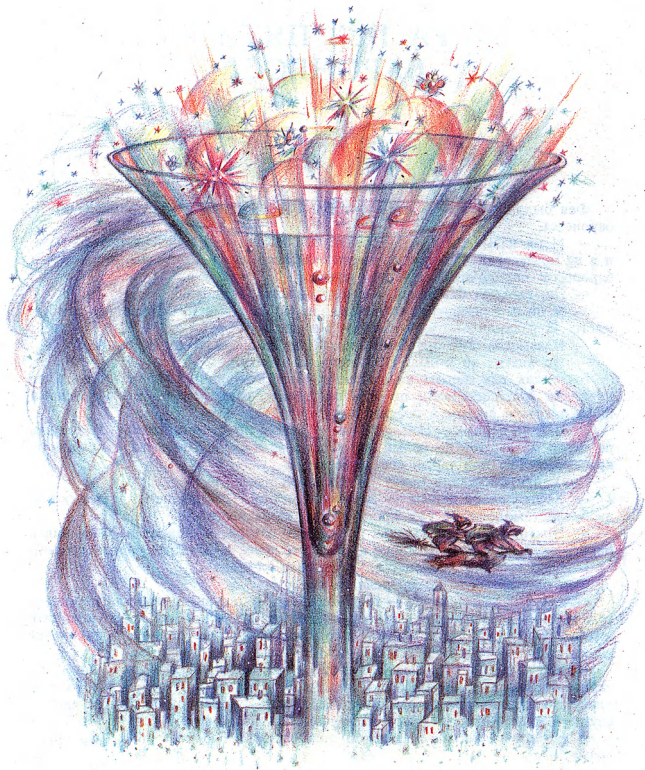
— Сию минутку, баронесса, — сказала служанка.

Фея одобрительно посмотрела на нее.

«Немного она ленива, — подумала Фея, — но знает правила хорошего тона и умеет держать себя с синьорой моего круга. Я пообещаю ей увеличить заработную плату. На самом-то деле я, конечно, не увеличу, и так денег не хватает».

Нужно сказать, что Фея при всем своем благородстве была довольно скуповата. Два раза в год обещала она старой служанке увеличить заработную плату, но ограничивалась одними обещаниями. Служанке давно уже надоело слушать только слова, ей хотелось услышать звон монет. Как-то раз у нее даже хватило мужества сказать об этом синьоре баронессе. Но Фея очень возмущилась.

— Монеты и монеты! — проговорила она, вздыхая. — Невежественные люди только и думают, что о деньгах. И как нехорошо, что ты не только

думаешь, но и говоришь об этом! Видно, учить тебя хорошим манерам — все равно, что кормить осла сахаром.

Фея вздохнула и уткнулась в свои книги.

— Итак, подведем баланс. Дела в этом году неважные, денег маловато. Еще бы, все хотят получить от Феи хорошие подарки, а когда речь заходит о том, чтобы платить за них, начинают торговаться. Все стараются брать в долг, обещая уплатить потом, как будто Фея — это какой-то колбасник. Впрочем, сегодня особенно жаловаться нечего: все игрушки, которые были в магазине, разошлись, и сейчас нам нужно будет принести со склада новые.

Она закрыла книгу и принялась распечатывать письма, которые обнаружила в своем почтовом ящике.

— Так и знала! — заговорила она. — Я рискую заболеть воспалением легких, разнося свои товары, и никакой благодарности! Этот не хотел деревянную саблю, подавайте ему пистолет! А знает ли он, что пистолет стоит на тысячу лир* дороже? Другой, представьте себе, хотел получить аэроплан! Его отец — швейцар курьера секретаря одного служащего лотереи, и было у него на покупку подарка всего триста лир. Что я могла подарить ему за такие гроши?

Фея бросила письма обратно в ящик, сняла очки и позвала:

— Тереза, отвар готов?

— Готов, готов, синьора баронесса.

И старая служанка подала баронессе дымящийся бокал.

— Ты влила сюда капельку рома?

— Целых две ложечки!

— Мне хватило бы и одной... Теперь я понимаю, почему бутыль почти опустела. Подумать только, мы купили ее всего четыре года тому назад!

Потягивая маленькими глотками кипящий напиток и умудряясь не обжигаться при этом, как это умеют делать только старые синьоры, Фея бродила по своему маленькому царству, заботливо проверяя каждый уголок кухни, магазина и маленькой деревянной лесенки, которая вела на второй этаж, где была спальня.

Как печально выглядел магазин с опущенными шторами, пустыми витринами и шкапами, заваленными коробками без игрушек и ворохами оберточной бумаги!

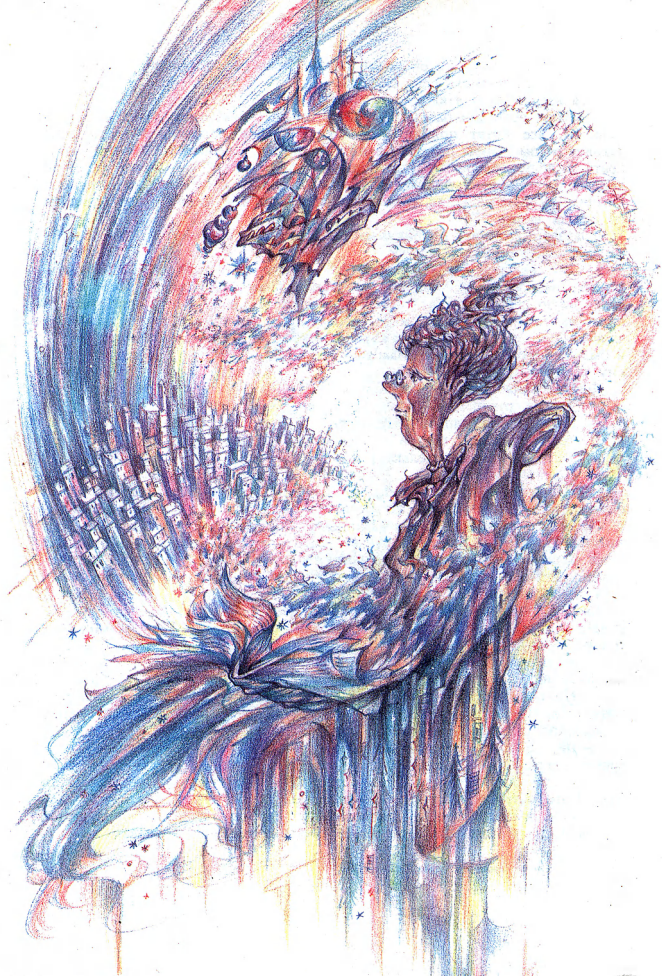
— Приготовь ключи от склада и свечу, — сказала Фея, — нужно принести новые игрушки.

— Но, синьора баронесса, вы хотите работать даже сегодня, в день вашего праздника? Неужели вы думаете, что кто-нибудь придет сегодня за покупками? Ведь новогодняя ночь, ночь Феи, уже прошла...

— Да, но до следующей новогодней ночи осталось всего-навсего лишь триста шестьдесят пять дней.

Надо вам сказать, что магазин Феи оставался открытым в течение всего года и его витрины всегда были освещены. Таким образом, у детей было достаточно времени, чтобы облюбовать ту или иную игрушку, а родители успевали сделать свои расчеты, чтобы иметь возможность заказать ее.

* 1000 лир — это примерно 6 рублей 42 копейки.

А кроме того, есть ведь еще дни рождения, и все знают, что дети считают эти дни очень подходящими для получения подарков.

Теперь вы поняли, что делает Фея с первого января и до следующего Нового года? Она сидит за витриной и смотрит на прохожих. Особенно внимательно вглядывается она в лица детей. Она сразу понимает, нравится или не нравится им новая игрушка, и, если не нравится, снимает ее с витрины и заменяет другой.

...О синьоры, что-то сейчас на меня напало сомнение! Так было, когда я был еще маленьким. Кто знает, есть ли теперь у Феи этот магазинчик с витриной, уставленной игрушечными поездами, куклами, тряпичными собачками, ружьями, пистолетами, фигурками индейцев и марионеток!

Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтобы пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что нужно было отнести домой купленное молоко.

ВИТРИНА НАПОЛНЯЕТСЯ

Склад был в подвале, который находился как раз под магазином. Фее и ее служанке пришлось раз двадцать спуститься и подняться по лестнице, чтобы наполнить новыми игрушками шкафы и витрину.

Уже во время третьего рейса Тереза устала.

— Синьора, — сказала она, останавливаясь посреди лестницы с большой связкой кукол в руках, — синьора баронесса, у меня бьется сердце.

— Это хорошо, моя дорогая, это очень хорошо, — ответила Фея. — Было бы хуже, если бы оно больше не билось.

— У меня болят ноги, синьора баронесса.

— Оставь их на кухне, пусть отдохнут, тем более что ногами носить ничего нельзя.

— Синьора баронесса, мне не хватает воздуха...

— Я не краля его у тебя, моя дорогая, у меня своего достаточно.

И действительно, казалось, что Фея никогда не устает. Несмотря на преклонный возраст, она прыгала по ступенькам, словно танцуя, как будто под каблуками у нее были спрятаны пружинки. Одновременно она продолжала подсчитывать.

— Эти индейцы мне приносят доход по двести лир каждый, даже, пожалуй, по триста лир. Сейчас индейцы очень в моде. Не кажется ли тебе, что этот электрический поезд просто чудо?! Я назову его Голубой Стрелой и, клянусь, брошу торговлю, если с завтрашнего дня сотни ребячьих глаз не будут пожирать его с утра до вечера.

И правда, это был замечательный поезд, с двумя шлагбаумами, с вокзалом и Главным Начальником Станции, с Машинистом и с Начальником Поезда в очках. Прележав столько месяцев на складе, электропоезд весь покрылся пылью, но Фея хорошенько протерла его тряпочкой, и голубая краска засверкала, как вода альпийского озера: весь поезд, включая Начальника Станции, Начальника Поезда и Машиниста, был выкрашен голубой краской.

Когда Фея стерла пыль с глаз Машиниста, он огляделся вокруг и воскликнул:

— Наконец-то я вижу! У меня такое впечатление, будто я несколько месяцев был похоронен в пещере. Итак, когда мы отправляемся? Я готов.

— Спокойно, спокойно, — прервал его Начальник Поезда, протирая платочком очки. — Поезд не тронется без моего приказа.

— Посчитайте нашивки на вашем берете, — раздался третий голос, — и увидите, кто здесь старший.

Начальник Поезда пересчитал свои нашивки. У него было четыре. Тогда он сосчитал нашивки у Начальника Станции — пять. Начальник Поезда вздохнул, спрятал очки и притих. Начальник Станции ходил взад и вперед по витрине, размахивая жезлом, которым дают сигнал отправления. На площади перед станцией выстроился полк оловянных стрелков с духовым оркестром и Полковником. Немножко в стороне расположилась целая артиллерийская батарея во главе с Генералом.

Позади станции расстилалась зеленая равнина, по которой были разбро-

саны холмы. На равнине вокруг вождя, которого звали Серебряное Перо, расположились лагерем индейцы. На вершине горы верховные ковбои держали наготове свои лассо.

Над крышей вокзала покачивался подвешенный к потолку аэроплан: Пилот высунулся из кабины и смотрел вниз. Надо вам сказать, что этот Пилот был сделан так, что он не мог подняться на ноги: ног у него не было. Это был Сидящий Пилот.

Рядом с аэропланом висела красная клетка с Канарейкой, которую звали Желтая Канарейка. Когда клетку слегка покачивали, Канарейка пела.

В витрине были еще куклы, Желтый Медвежонок, тряпичный пес по имени Кнопка, краски, конструктор, маленький театр с тремя марионетками и быстроходный двухмачтовый парусник. По капитанскому мостику парусника нервно расхаживал Капитан. Ему по рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую сторону лица, чтобы не выглядеть уродом.

Начальник Станции и Полубородый Капитан делали вид, что не замечают друг друга, но, может быть, кто-нибудь из них уже собирался вызвать другого на дуэль, чтобы решить вопрос о верховном командовании в витрине.

Куклы разделились на две группы: одни вздыхали по Начальнику Станции, другие бросали нежные взгляды на Полубородого Капитана, и лишь одна черная кукла, с глазами белее молока, глядела только на Сидящего Пилота и больше ни на кого.

Что касается тряпичного пса, то он бы с удовольствием вилял хвостом и прыгал от радости. Но он не мог оказывать эти знаки внимания всем трем, а выбрать кого-нибудь одного не хотел, чтобы не оскорблять остальных двух. Поэтому он сидел тихо и неподвижно, и вид у него был немного глуповатый. Его имя было написано красными буквами на ошейнике: Кнопка. Может быть, его назвали так потому, что он был маленьким, как кнопка.

Но тут произошло событие, которое сразу же заставило забыть и ревность и соперничество. Как раз в это мгновение Фея подняла штору, и солнце хлынуло в витрину золотым каскадом, вызывая у всех жуткий страх, потому что никто его раньше не видел.

— Сто тысяч глухих китов! — рявкнул Полубородый Капитан. — Что случилось?

— На помощь! На помощь! — завизжали куклы, прячась друг за друга.

Генерал приказал немедленно повернуть пушки в сторону неприятеля, чтобы быть готовым отразить любую атаку. Только Серебряное Перо остался невозмутимым. Он вынул изо рта длинную трубку, что делал только в исключительных случаях, и сказал:

— Не бойтесь, игрушки. Это Великий дух Солнце, всеобщий друг. Смотрите, как повеселела вся площадь, радуясь его приходу.

Все посмотрели за витрину. Площадь и в самом деле сверкала под лучами солнца. Струи фонтанов казались огненными. Нежное тепло проникало сквозь запыленные стекла в магазинчик Феи.

— Тысяча пьяных китов! — пробормотал снова Капитан. — Я ведь морской волк, а не солнечный!

Куклы, радостно болтая, сразу же стали принимать солнечные ванны.

Однако в один угол витрины солнечные лучи не могли проникнуть. Тень падала как раз на Машиниста, и тот очень рассердился.

— Должно же было так случиться, чтобы именно я оказался в тени!

Он выглянул за витрину, и его зоркие глаза, привыкшие часами смотреть на рельсы во время долгих поездок, встретились с парой огромных, широко раскрытых глаз ребенка.

В эти глаза можно было заглянуть, как заглядывают в дом, когда на

окнах нет занавесок. И, заглянув в них, Машинист увидел большую, недетскую печаль.

«Странно, — подумал Машинист Голубой Стрелы, — я всегда слышал, что дети — веселый народ. Они только и знают, что смеются и играют с утра до вечера. А этот мне кажется грустным, как старичок. Что с ним случилось?»

Грустный мальчик долго смотрел на витрину. Его глаза наполнились слезами. Время от времени слезинки скатывались вниз по щеке и пропадали на губах. Все в витрине затаили дыхание: никто еще не видел глаз, из которых текла бы вода, и это всех очень удивило.

— Тысяча хромых китов! — воскликнул Капитан. — Я занесу это событие в судовой журнал!

Наконец мальчик вытер глаза рукавом курточки, подошел к двери магазина, взялся за ручку и толкнул дверь.

Раздался глухой звонок колокольчика, который, казалось, жаловался, звал на помощь.

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ВЗВОЛНОВАН

— Синьора баронесса, кто-то вошел в магазин, — сообщила служанка.

Фея, которая причесывалась в своей комнате, быстро спустилась по лесенке, держа во рту шпильки и закалывая на ходу волосы.

— Кто бы это ни был, почему он не закрывает дверь? — пробормотала она. — Я не слышала звонка, но сразу же почувствовала сквозняк.

Она для солидности надела очки и вошла в лавку маленькими медленными шагами, как должна ходить настоящая синьора, особенно если она почти баронесса. Но, увидав перед собой бедно одетого мальчика, который смущенно комкал в руках свой голубой беретик, она поняла, что тут церемонии излишни.

— Ну? В чем дело? — Всем своим видом Фея как бы хотела сказать: «Говори побыстрее, у меня нет времени».

— Я... Синьора... — прошептал мальчик.

В витрине все замерли, но ничего не было слышно.

— Что он сказал? — шепнул Начальник Поезда.

— Тс-с! — приказал Начальник Станции. — Не шумите!

— Мальчик мой! — воскликнула Фея, которая чувствовала, что начинает терять терпение, как всякий раз, когда ей приходилось говорить с людьми, не подозревающими о ее благородных титулах. — Дорогой мой мальчик, времени у меня очень мало. Поторопись или же оставь меня в покое, а лучше всего напиши мне хорошее письмо.

— Но, синьора, я уже написал вам, — торопливо прошептал мальчик, боясь потерять мужество.

— Ах, вот как! Когда?

— Около месяца тому назад.

— Сейчас посмотрим. Как тебя зовут?

— Монти Франческо.

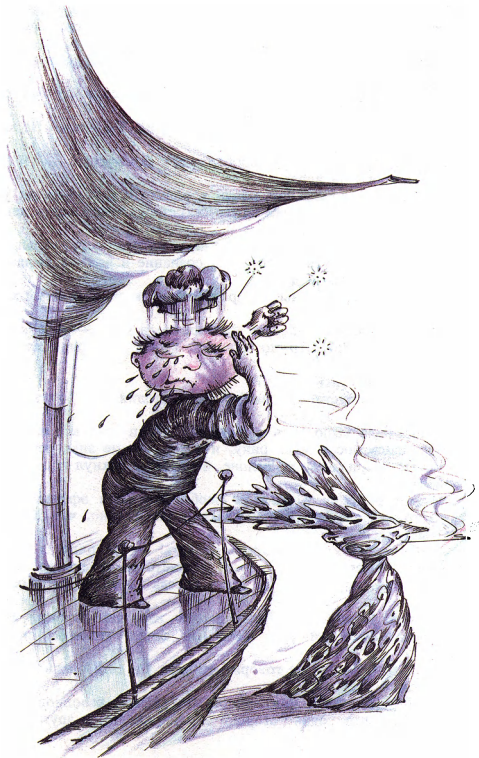
— Адрес?

— Квадриччиоло...

— Гм... Монти, Монти... Вот, Франческо Монти. Действительно, двадцать три дня тому назад ты просил у меня в подарок электрический поезд. А почему только поезд? Ты мог бы попросить у меня еще аэроплан или дирижабль, а еще лучше — целый воздушный флот!

— Но мне нравится поезд, синьора Фея.
— Ах, дорогой мой, тебе нравится поезд?! А ты знаешь, что через два дня после твоего письма сюда приходила твоя мать...

— Да, это я попросил ее прийти. Я ее так просил: пойдй к Фее, я ей уже все написал, и она так добра, что не откажет нам.

— Я не хорошая и не плохая. Я работаю, но не могу работать бесплатно. У твоей матери не было денег, чтобы заплатить за поезд. Она хотела в обмен на поезд оставить мне старые часы. Но я видеть их не могу, эти часы! Потому что они заставляют время двигаться быстрее. Я также напомнила ей, что она еще должна заплатить мне за лошадку, которую брала в прошлом году. И за волчок, взятый два года тому назад. Ты знал об этом?

Нет, мальчик этого не знал. Мамы редко делятся с детьми своими неприятностями.

— Вот почему в этом году ты ничего не получил. Ты понял! Не кажется ли тебе, что я права?

— Да, сеньора, вы правы, — пробормотал Франческо. — Я просто думал, что вы забыли мой адрес.

— Нет, напротив, я помню его очень хорошо. Видишь, вот он у меня записан. И на днях я пошлю к вам моего секретаря, чтобы взять деньги за прошлогодние игрушки.

Старая служанка, которая прислушивалась к их разговору, услышав, что ее назвали «секретарем», чуть не потеряла сознание и должна была выпить стакан воды, чтобы перевести дух.

— Какая честь для меня, сеньора баронесса! — сказала она своей хозяйке, когда мальчик ушел.

— Хорошо, хорошо! — грубовато пробормотала Фея. — А пока повесь на дверь объявление «Закртыо до завтра», чтобы не приходили другие надоедливые посетители!

— Может быть, опустить шторы?

— Да, пожалуй, опусти. Я вижу, что сегодня не будет хорошей торговли.

Служанка побежала выполнять приказания. Франческо все еще стоял у магазина, уткнувшись носом в витрину, и ждал, сам не зная чего. Штора, спускаясь, чуть не ударила его по голове. Франческо уткнул нос в пыльную штору и зарыдал.

В витрине эти рыдания произвели необыкновенный эффект. Одна за другой куклы тоже стали плакать и плакали так сильно, что Капитан не выдержал и выругался:

— Что за обезьяны! Уже научились плакать! — Он плюнул на палубу и усмехнулся: — Тысяча косых китов! Плакать из-за поезда! Да я не променял бы мой парусник на все поезда всех железных дорог мира.

Великий вождь Серебряное Перо вынул изо рта трубку, что ему приходилось делать каждый раз, когда он хотел что-либо сказать, и промолвил:

— Капитан Полубородый не говорит правды. Он есть очень взволнован из-за бедный белый ребенок.

— Что я? Объясните мне, пожалуйста, что значит «взволнован»?

— Это значит, что одна сторона лица плачет, а другая стыдится этого.

Капитан предпочел не поворачиваться, так как его безбородая половина лица в самом деле плакала.

— Замолчи ты, старый петух! — крикнул он. — Не то я спущусь вниз и ощиплю тебя, как рождественского индюка!

И долго еще продолжал изрыгать проклятия, такие цветистые, что Генерал, решив, что вот-вот начнется война, приказал зарядить пушки! Но Серебряное Перо взял в рот трубку и замолчал, а потом даже сладко задремал. К слову сказать, он всегда спал с трубкой во рту.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАТЬ

На следующий день Франческо вернулся, и его печальные глаза снова были устремлены на Голубую Стрелу. Пришел он и на второй день и на третий. Иногда он останавливался у витрины всего на несколько минут и потом, не оборачиваясь, убегал прочь. Иногда простаивал перед витриной долгие часы. Нос его был прижат к стеклу, а русский чуб спускался на лоб. Он ласково посматривал и на другие игрушки, но было видно, что его сердце принадлежит чудесному поезду.

Начальник Станции, Начальник Поезда и Машинист очень гордились этим и с важным видом поглядывали по сторонам, но никто не обижался на них за это.

Все обитатели витрины были влюблены в своего Франческо. Приходили другие дети, которые тоже подолгу рассматривали игрушки, но обитатели витрины почти не замечали их. Если Франческо не появлялся в обычное время, Начальник Станции нервно ходил взад и вперед по рельсам, бросая тревожные взгляды на часы. Капитан беспрестанно плевался и изрыгал проклятия. Сидящий Пилот высовывался из аэроплана, рискуя упасть, а Серебряное Перо забывал курить, так что трубка его ежеминутно гасла, и он традил целые коробки спичек, чтобы разжечь ее вновь.

И так все дни, все месяцы, весь год.

Фея ежедневно получала целые пачки писем, которые она внимательно читала, делая заметки и подсчеты. Но вот писем стало столько, что требовалось полдня только на то, чтобы открывать конверты, и в витрине поняли, что близится день подарков — Новый год.

Бедный Франческо! С каждым днем его личико становилось все более грустным! Нужно было что-то сделать для него. Все ожидали, что Начальник Станции Голубой Стрелы предложит что-нибудь, подкажет какую-нибудь идею. Но тот только снимал и снова надевал свой берет с пятью нашивками или смотрел на носки своих ботинок, словно видел их впервые.

ИДЕЯ КНОПКИ

Идею — кто бы мог подумать! — подал тряпичный пес.

Бедный Кнопка, никто никогда не обращал на него внимания, потому что, во-первых, трудно было понять, какой он породы, а во-вторых, он все время молчал как рыба. Кнопка был робок и боялся открыть рот. Если какая-нибудь мысль приходила ему в голову, он долго раздумывал, прежде чем сообщить ее друзьям. А впрочем, с кем он мог говорить-то? Куклы были слишком элегантными синьорами, чтобы обращать внимание на пса, принадлежащего бог знает какой породе. Свинцовые солдаты не отказались бы поговорить с ним, но офицеры, конечно, не разрешили бы им этого. В общем у всех была какая-нибудь причина не замечать тряпичного пса, и тот вынужден был молчать. И знаете, что из этого вышло? Он разучился лаять...

Вот и на этот раз, когда он открыл рот, чтобы объяснить им свою блестящую идею, раздался такой странный звук, средний между кошачьим мяуканьем и ослиным ревом, что вся витрина разразилась смехом.

Только Серебряное Перо не засмеялся, потому что краснокожие не смеются никогда. А когда другие кончили смеяться, он вынул трубку изо рта и сказал:

— Синьоры, слушай все, что Кнопка говорить. Пес всегда мало говорить и много думать. Кто думать много, мудрая вещь говорить.

Услышав комплимент, Кнопка покраснел от головы до кончика хвоста, откашлялся и объяснил, наконец, свою идею.

— Этот мальчик... Франческо... Вы думаете, он получит в этом году от Феи какой-нибудь подарок?

— Не думаю, — ответил Начальник Станции. — Его мать больше не приходила сюда, и писем она больше не пишет — я всегда внимательно слежу за почтой.

— Ну вот, — продолжал Кнопка, — мне тоже кажется, что Франческо ничего не получит. Но я, по правде сказать, не хотел бы попасть к какому-нибудь другому мальчику.

— Я тоже, — пробормотал Желтый Медвежонок, почесывая затылок.

— Мы тоже, — сказали три марионетки, которые говорили все хором.

— А что вы скажете, — продолжал пес, — если мы преподнесем ему сюрприз?

— Ха-ха-ха, сюрприз! — засмеялись куклы. — Какой же?

— Замолчите, — приказал Капитан, — женщины всегда должны помалкивать.

— Прошу прощения, — крикнул Сидящий Пилот, — не шумите так, а то наверху ничего не слышно! Пусть говорит Кнопка.

— Мы знаем его имя, — произнес Кнопка, когда восстановилась тишина. — Знаем его адрес. Почему бы нам всем не пойти к нему?

— К кому? — спросила одна из кукол.

— К Франческо.

На мгновение воцарилась тишина, потом развернулась оживленная дискуссия; каждый кричал свое, не слушая, что говорят другие.

— Но это бунт! — воскликнул Генерал. — Я никак не могу позволить подобную вещь. Предлагаю повиноваться моим приказам!

— А дальше?

— Дальше? Ничего! Нужно быть дисциплинированными!

— И отправляться туда, куда нас отнесет Фея? Тогда Франческо и в этом году ничего не получит, ведь его фамилия записана в долговой книге...

— Тысяча китов!..

— Однако, — вмешался Начальник Станции, — мы знаем адрес, но не знаем дороги.

— Я об этом подумал, — робко прошептал Кнопка, — я могу отыскать дорогу чутьем.

— А я умею читать земля, — промолвил Серебряное Перо. — Я тоже говорить, чтобы всем ходить к Франческо.

Теперь нужно было не болтать, а принимать решение. Все посмотрели в сторону Генерала артиллерии.

Некоторое время Генерал, почесывая подбородок, расхаживал перед своими пятью пушками, выстроенными в боевом порядке, затем произнес:

— Хорошо. Я буду прикрывать движение моими войсками. Признаться, мне тоже не очень нравится находиться под командованием старой Феи...

— Урра! — закричали артиллеристы.

Оркестр стрелков заиграл марш, способный воскресить мертвого, а Машинист включил гудок локомотива и гудел до тех пор, пока все чуть не оглохли.

Поход назначили на следующую, новогоднюю, ночь. В полночь Фея должна была прийти, как обычно, в магазин, чтобы наполнить игрушками свою корзину... Но витрина будет пустой.

— Представьте, какая у нее будет физиономия! — ухмыльнулся Капитан, сплюнув на палубу своего парусника.

А на следующий вечер...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ВЕЧЕР

Первым делом игрушкам предстояло решить вопрос, как выйти из магазина. Прорезать штору, как это предлагал Главный Инженер, оказалось им не под силу. А дверь магазина запиралась на три замка.

— Я и об этом подумал, — сказал Кнопка.

Все с восхищением посмотрели на маленького тряпичного щенка, который целый год думал, не сказав ни одного слова.

— Вы помните склад? Помните ворох пустых коробок в углу? Ну вот, я был там и обнаружил в стене дырку. По ту сторону стены — погреб с лесенкой, которая ведет на улицу.

— И откуда ты все это знаешь?

— У нас, собак, есть такой недостаток — совать повсюду свой нос. Иногда этот недостаток бывает полезным.

— Очень хорошо, — резко возразил Генерал, — но я не представляю, как можно спустить в склад артиллерию по всем этим лестницам. А Голубая Стрела? Вы видели когда-нибудь, чтобы поезд спускался по лестнице?

Серебряное Перо вынул трубку изо рта. Все выжидающе замолкли.

— Белые люди всегда ссорятся и забывают Сидящий Пилот.

— Что ты хочешь этим сказать, великий вождь?

— Сидящий Пилот перевозить всех на аэроплане.

Действительно, это был единственный способ спуститься в склад. Сидящему Пилоту предложение пришлось по душе:

— Десяток рейсов — и переход сделан!

Куклы уже предвкушали удовольствие путешествия на аэроплане, но Серебряное Перо разочаровал их:

— У кого есть ноги, тому крылья не нужны.

Таким образом, все, у кого были ноги, спустились сами, а на самолете перевезли артиллерию, вагоны и парусник.

Но капитан даже во время полета отказался сойти с мостика. На зависть Генералу и Начальнику Станции, которые спускались вниз по крутым ступенькам, Капитан летел над их головой.

Последним спустился Мотоциклист-Акробат. Для него спуститься на мотоцикле по лестнице было все равно, что выпить стакан воды.

Он был еще на полпути, когда в магазине раздался крик служанки:

— На помощь, на помощь! Синьора баронесса, воры, разбойники!

— Кто там? Что случилось? — ответил голос хозяйки.

— Из витрины украли все игрушки!

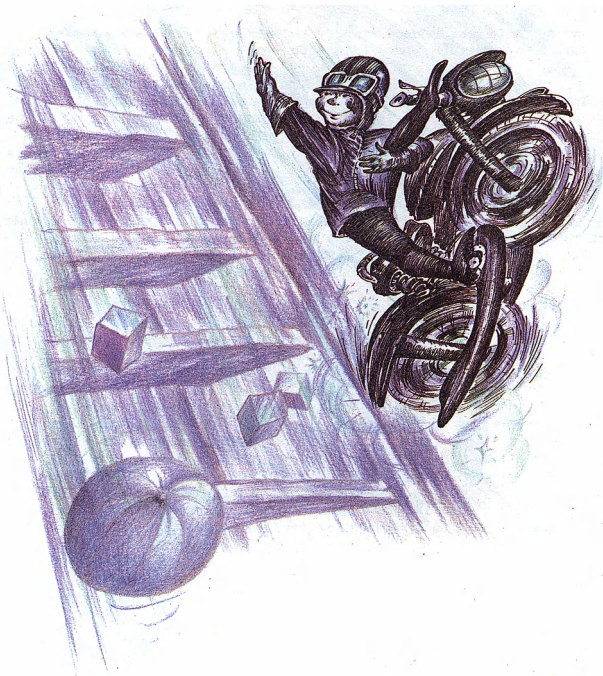

Но Главный Инженер конструктора уже пробил дверь склада, и беглецы ринулись в угол, заваленный ворохом пустых коробок. Едва они скрылись, послышались шаги двух старушек, которые торопливо сбежали с лестницы и ткнулись носом в запёртую дверь.

— Скорее ключи! — закричала Фея.

— Замок не открывается, сеньора баронесса.

— Они заперлись изнутри! Хорошо, оттуда им не выйти. Нам придется сидеть здесь и ждать, пока они не сдадутся.

Нечего и говорить, Фея была храбрая старушка. Но на этот раз ее мужество было ни к чему. Наши беглецы следом за Кнопкой, который указывал дорогу, уже пересекли гору пустых коробок и один за другим через дыру в стене пробрались в соседний подвал.

Голубой Стреле проходить через тоннели было не впервой. Начальник Станции и Начальник Поезда заняли места рядом с Машинистом, самые маленькие куклы, которые уже стали уставать, сели по вагонам, и чудесный поезд, тихонько свистнув, вошел в тоннель.

Труднее было протащить сквозь дыру парусник, который мог передвигаться только по воде. Но об этом позаботились рабочие конструктора. Они в один миг построили тележку на восьми колесиках и погрузили на нее судно вместе с Капитаном.

Они успели как раз вовремя.

Фея, устав ждать, толчком плеча распахнула дверь и стала обыскивать склад.

— Что за странная история! — дрожа от страха, бормотала старушка.

— Никого нет, синьора баронесса! — взвизгнула служанка, уцепившись от страха за юбку хозяйки.

— Это я и сама вижу. И нечего дрожать.

— Я не дрожу, синьора баронесса. Может быть, тут виновато землетрясение?

— Голубая Стрела исчезла, — грустно прошептала Фея. — Исчезла, не оставив никаких следов.

Покинем на время бедных старушек и последуем за нашими друзьями. Они даже не представляли себе, какие приключения ожидают их впереди. Я же все их знаю от начала до конца. Есть среди них страшные, есть и веселые, и я вам расскажу все по порядку.

ЖЕЛТЫЙ МЕДВЕЖОНОК ВЫХОДИТ НА ПЕРВОЙ ОСТАНОВКЕ

Сразу же по другую сторону стены начались приключения. Поднял тревогу Генерал. Как вы уже могли заметить, Генерал обладал пылким темпераментом и постоянно вязывался во всякие ссоры и происшествия.

— Мои пушки, — говорил он, покручивая усы, — мои пушки заржавели. Чтобы почистить их, нужна небольшая война. Пусть небольшая, но все-таки война: нужно пострелять хотя бы с четверть часика.

Эта мысль, как гвоздь, засела у него в голове. Едва только беглецы очутились за стеной склада, Генерал выхватил шпагу и закричал:

— Тревога, тревога!

— В чем дело, что случилось? — спрашивали друг друга солдаты, которые еще ничего не заметили.

— На горизонте неприятель, разве вы не видите? Все к пушкам! Зарядить орудия! Приготовиться к стрельбе!

Поднялась невероятная суматоха. Артиллеристы выстраивали пушки в боевой порядок, стрелки заряжали ружья, офицеры звучными голосами выкрикивали слова команды и, подражая Генералу, покручивали усы.

— Тысяча глухонемых китов! — рявкнул Капитан с высоты своего парусника. — Прикажите немедленно перетащить несколько пушек на борт моего корабля, а то меня пустят ко дну.

Машинист Голубой Стрелы снял берет и почесал затылок:

— Не пойму, как это можно здесь пойти ко дну. По-моему, здесь только и есть воды, что в умывальном тазу, а кругом каменный пол.

Начальник Станции строго посмотрел на него.

— Если синьор Генерал говорит, что появился неприятель, значит, так оно и есть на самом деле.

— Я видел, я тоже видел! — закричал Сидящий Пилот, пролетев немножко вперед.

— Что ты видел?

— Неприятеля! Я говорю вам, что видел его собственными глазами!

Испуганные куклы попрятались в вагоны Голубой Стрелы. Кукла Роза жаловалась:

— Ах, синьоры, сейчас начнется война! Я только что уложила волосы, и, кто знает, что будет теперь с моей прической!

Генерал приказал протрубить тревогу.
— Замолчите все! — скомандовал он. — Из-за вашей болтовни солдаты не слышат моих приказаний.
Он хотел уже открыть огонь, как вдруг раздался голос Кнопки:
— Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!

— Это что такое? С каких это пор собаки стали командовать войсками? Застрелить его немедленно! — приказал Генерал.

Но Кнопка не испугался.

— Пожалуйста, я прошу вас, дайте отбой! Уверю вас, это на самом деле не неприятель. Это всего-навсего ребенок, спящий ребенок!

— Ребенок?! — воскликнул Генерал. — Что делает ребенок на поле боя?

— Но, сеньор Генерал, мы ведь не на поле боя: в этом-то все дело. Мы находимся в подвале, разве вы не видите? Сеньоры, я попрошу вас осмотреться по сторонам. Мы находимся, как я уже сказал, в подвале, из которого можно выйти на улицу. Оказывается, этот подвал обитаем. И в глубине его, где горит огонек, стоит кровать, а в кровати спит мальчик. Неужели вы хотите разбудить его выстрелами?

Тут раздался голос Серебряного Пера, который все это время продолжал спокойно курить трубку:

— Пес прав. Я видеть ребенка и не видеть неприятеля.

— Это, конечно, какая-то уловка, — настаивал Генерал, не желая отказать от сражения. — Неприятель прикинулся невинным и безоружным созданием.

Но кто слушал его теперь?

Даже куклы вышли из своих убежищ и устремили взгляды в полумрак подвала.

— Правда, это ребенок, — сказала одна.

— И очень худенький, — добавила вторая.

— Это невоспитанный ребенок, — изрекла третья, — он спит и держит палец во рту.

В подвале около стен стояла старая, ободранная мебель, на полу лежал соломенный тюфяк, стоял таз с отбитым краем, потухший очаг и кровать, в которой спал ребенок. Очевидно, его родители ушли на работу, а может быть, они просили милостыню, и ребенок остался один. Он лег спать, но не потушил маленькую керосиновую лампу, стоявшую на тумбочке. Может быть, он боялся темноты, а может быть, ему нравилось смотреть на большие колеблющиеся тени, которые отбрасывала лампа на потолок. И, глядя на эти тени, он заснул.

Наш храбрый Генерал был наделен богатой фантазией: он принял керосиновую лампу за огни вражеского лагеря и поднял тревогу.

— Тысяча новорожденных китов! — заремел Полубородый Капитан, нервно поглаживая безбородую половину подбородка. — А я уж подумал, что на горизонте появилось пиратское судно. Но, если не обманывает меня моя подозрительная труба, этот ребенок не похож на пирата. У него нет ни абордажных крючьев, ни черной повязки на глазу, ни черного пиратского флага с черепом и костями. Мне кажется, что эта бригантина мирно плавает в океане снов.

Сидящий Пилот полетел на разведку к самой кровати, пролетел два-три раза прямо над мальчиком, который махнул во сне рукой, как бы отгоняя назойливую муху, и, вернувшись, доложил:

— Никакой опасности, сеньор Генерал. Неприятель, простите, я хотел сказать ребенок, заснул.

— Тогда мы захватим его врасплох, — объявил Генерал.

Но на этот раз возмутились ковбои:

— Захватить ребенка? Неужели для этого предназначены наши лассо? Мы ловим диких лошадей и быков, а не детей. На первом же кактусе мы повесим того, кто осмелится причинить вред ребенку!

С этими словами они пустили лошадей в галоп и окружили Генерала, готовые в любую минуту набросить на него лассо.

— Я говорил просто так, — проворчал Генерал. — Нельзя и пошутить немножко. Нет у вас никакой фантазии!

Колонна беглецов приблизилась к кровати. Я не стану вас уверять, что все сердца билгесов спокойно. Некоторые куклы еще не оправились от испуга и прятались за других, например за спину Желтого Медвежонка. Его маленький мозг из опилок соображал очень медленно. Происходящие события он воспринимал не сразу, а в порядке их очередности. Если нужно было одновременно понять две какие-нибудь вещи, у Желтого Медвежонка сразу же начиналась ужасная головная боль. Зато у него было хорошее зрение. Он первый увидел, что за неприятеля приняли спящего мальчика. Медвежонка сразу охватило желание прыгнуть на кровать и поиграть с ним. Он даже не подумал о том, что спящие мальчики не играют с медвежатами, хотя бы и игрушечными.

На тумбочке рядом с лампой лежал сложенный вчетверо листок. На одной стороне его большими буквами был написан адрес.

— Ручаюсь вам, что это зашифрованное послание, — сказал Генерал, который уже заподозрил в мальчике вражеского шпиона.

— Возможно, — согласился Начальник Станции. — Но так или иначе все равно мы не могли бы прочесть его. Оно адресовано не нам. Видите? Здесь написано: синьоре Фее.

— Очень интересно, — сказал Генерал. — Письмо адресовано синьоре Фее, то есть нашей хозяйке. А может быть, мальчик сообщает ей сведения о нас? Может быть, он следил за нами? Мы должны во что бы то ни стало прочесть это письмо!

— Нельзя, — упорствовал Начальник Станции. — Это нарушение почтовой тайны.

Но, как ни странно, на этот раз с Генералом согласился Серебряное Перо.

— Прочтите, — неожиданно произнес он и снова сунул в рот свою трубку.

Этого оказалось достаточно. Генерал вскарабкался на стул, развернул листок, откашлялся, как будто он собирался огласить указ об объявлении войны, и стал читать:

— «Синьора Фея, я услышал о вас впервые в этом году; до этого я никогда ни от кого не получал подарков. В этот вечер я не тушу лампу и надеюсь увидеть вас, когда вы придете сюда. Тогда я расскажу вам, какую игрушку мне бы хотелось получить. Я боюсь заснуть и поэтому пишу это письмо. Очень вас прошу, синьора Фея, не откажите мне: я хороший мальчик, это все говорят, и буду еще лучше, если вы сделаете меня счастливым. А не то зачем же мне быть хорошим мальчиком?

Ваш Джампалло».

Воинственный тон, которым Генерал начал читать письмо, перешел к концу чтения в нежный. Нечего скрывать, старый солдат был взволнован.

Все игрушки затаили дыхание, и только одна кукла вздохнула так сильно, что все обернулись и посмотрели на нее, и она очень смутилась.

— Тысяча дохлых китов! — раздался голос Полубородого Капитана. — Мне кажется, что наша старая хозяйка хозяйка несправедлива. Вот ребенок, который по ее вине может стать плохим.

— Что значит стать плохим? — спросила кукла Роза.

Но никто ей не ответил, а другие куклы потянули ее за юбку, чтобы она замолчала.

— Нужно что-то сделать, — сказал Начальник Станции.

— Требуется доброволец, — подсказал Полковник.

В это время раздался какой-то странный кашель. Когда люди так кашляют, это значит, что они хотят что-то сказать, но боятся.

— Смелее говори! — крикнул Сидящий Пилот, который сверху всегда первым видел, что случилось.

— Так вот, — проговорил Желтый Медвежонок, еще раз кашлянув, чтобы скрыть свое смущение, — по правде сказать, слишком длительные путешествия мне не нравятся. Я уже устал бродить по свету и хотел бы отдохнуть. Не кажется ли вам, что я мог бы остаться здесь?

Бедный Желтый Медвежонок! Он хотел выдать себя за хитреца, хотел скрыть свое доброе сердце. Кто знает, почему люди с добрым сердцем всегда стараются скрыть это от других?

— Не смотрите так на меня, — сказал он, — не то я превращусь в Красного Медведя. Мне кажется, что на этой кровати я могу чудесно подремать в ожидании рассвета, а вы будете бродить по улицам в такой холод и искать Франческо.

— Хорошо, — сказал Капитан, — оставайся здесь. Дети и медведи живут дружно, потому что хотя бы в одном они схожи: они всегда хотят играть.

Все согласились и стали прощаться. Каждому хотелось пожать лапу Желтого Медвежонка, пожелать ему счастья. Но в этот момент раздался громкий продолжительный гудок. Начальник Станции поднес к губам свой свисток, Начальник Поезда закричал:

— Скорее, синьоры, по вагонам! Поезд отправляется! По вагонам, синьоры! Куклы, боясь отстать от поезда, подняли невообразимую суматоху.

Стрелки устроились на крышах вагонов, а парусник Капитана погрузили на платформу.

Поезд медленно тронулся.

Дверь подвала была открыта и выходила в узкий темный переулок. Желтый Медвежонок, примостившись около подушки, рядом с белокурой головкой Джампаоло, с некоторой грустью посмотрел на своих товарищей, которые медленно удалялись. Медвежонок вздохнул так сильно, что волосы мальчика зашевелились, как от дуновения ветра.

— Тише, тише, друг мой, — сказал самому себе Медвежонок, — не разбуди его.

Мальчик не проснулся, но легкая улыбка промелькнула на его губах.

— Ему снится сон, — сказал про себя Медвежонок. — Он видит во сне, что именно сейчас Фея прошла около него, положив ему на стул подарок,

а ветерок, поднятый ее длинной юбкой, взъерошил его волосы. Готов держать пари, что он видит сейчас именно это. Но кто знает, какой подарок преподнесет ему Фея во сне?

И вот Медвежонок пустился на хитрость, которая вам никогда не пришла бы в голову: он наклонился к уху мальчика и тихо-тихо стал нашептывать:

— Фея уже пришла и оставила тебе Желтого Медвежонка. Чудесный Медвежонок, уверяю тебя! Я хорошо его знаю: ведь я столько раз видел его в зеркале. Из спины у него торчит ключик для завода пружины, и, когда она заведена, Медвежонок танцует, как танцуют медведи на ярмарках и в цирке. Сейчас я тебе покажу.

Желтый Медвежонок с большим трудом дотянулся до пружины и завел ее. В тот же момент он почувствовал, что с ним творится что-то странное. Сначала по спине Медвежонка пробежала дрожь, и ему стало необыкновенно весело. Потом дрожь пробежала по его ногам, и они сами пустились в пляс.

Желтый Медвежонок никогда еще не танцевал так хорошо. Мальчик засмеялся во сне и от смеха проснулся. Он похлопал ресницами, чтобы привыкнуть к свету, и, увидев Желтого Медвежонка, понял, что сон не обманул его. Танцуя, Медвежонок подмигивал ему, как бы говоря: «Увидишь, мы будем друзьями».

И первый раз в жизни Джампаоло почувствовал себя счастливым.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР
СООРУЖАЕТ МОСТ

Переулочек шел в гору, но Голубая Стрела без труда преодолела подъем и выехала на большую площадь, как раз перед магазином Феи.

Машинист высунулся из окошка и спросил:

— В какую сторону ехать теперь?

— Все время прямо! — закричал Генерал. — Лобовая атака — самая лучшая тактика, чтобы опрокинуть неприятеля!

— Какого неприятеля? — спросил Начальник Станции. — Прекратите, пожалуйста, ваши вымыслы. В поезде вы такой же пассажир, как и все остальные. Понятно? Поезд пойдет туда, куда велю я!

— Хорошо, — ответил Машинист, — но говорите быстрее, потому что мы вот-вот врежемся в тротуар.

— Направо! — раздался голос Кнопки. — Немедленно сворачивайте направо: я чую след Франческо.

— Итак, направо! — произнес Начальник Станции.

И Голубая Стрела на полном ходу свернула вправо. Сидящий Пилот летел на высоте двух метров от земли, чтобы не потерять поезд из виду. Он попробовал подняться выше, но чуть не наткнулся на трамвайные провода.

Молчаливые ковбой и индейцы скакали справа и слева от поезда и были похожи на окруживших его бандитов.

— Гм-гм, — недоверчиво бормотал Генерал, — ставлю свои эпюлеты против дырявого сольдо, что это путешествие добром не кончится. У этих всадников очень ненадежный вид. На первой же остановке я переберусь на платформу, где стоят мои пушки.

Как раз в этот момент послышались вопли Кнопки. Очевидно, он почувствовал какую-то опасность. Но было уже поздно. Машинист не успел затормозить, и Голубая Стрела на полном ходу вошла в глубокую лужу. Вода поднялась почти до уровня окошек. Куклы очень испугались и перебрались к стрелкам, на крыши вагонов.

— Мы на земле, — произнес Машинист, вытирая с лица пот.

— Вы хотите сказать, что мы в воде, — пробормотал Капитан. — Ничего не остается делать, как спустить на воду мой парусник и принять всех на борт.

Но парусник был слишком мал. Тогда Главный Инженер предложил соорудить мост.

— Прежде чем мост будет построен, нас поймают, — качая головой, произнес Капитан.

Впрочем, другого выхода не было. Рабочие конструктора под руководством Инженера принялись за постройку моста.

— Подъемным краном мы поднимем Голубую Стрелу и поставим ее на мост, — пообещал Инженер. — Пассажирам даже выходить не придется.

С этими словами он бросил горделивый взгляд на кукол. Те с восхищением смотрели на него. Только кукла Нера оставалась верна своему Пилоту и не сводила с него глаз.

Пошел снег. Уровень воды в луже стал подниматься, и сложные расчеты Инженера были сведены на нет.

— Нелегкая вещь — построить мост во время наводнения, — сквозь зубы проговорил Инженер. — Но мы все же попытаемся.

Чтобы ускорить работу, Полковник предоставил в распоряжение Инженера

всех своих стрелков. Мост поднимался над водой. В темной снежной ночи слышались звон железа, удары молотков, скрип тачек.

Индейцы и ковбой переправились через лужу на лошадях и расположились лагерем на другом берегу. Далеко внизу виднелась красная точка, которая то угасала, то ярко вспыхивала, как светлячок. Это была трубка Серебряного Пера.

Выглядывая из окошек вагонов, пассажиры следили за этим красным огоньком, который сиял, как далекая надежда.

Три марионетки предположили хором:

— Кажется, это звезда!

Это были сентиментальные марионетки: они умудрялись видеть звезды даже в снежную ночь. И, пожалуй, они были счастливы, не так ли?

Но вот загрелись крики «ура». Люди Главного Инженера и стрелки достигли берега: мост был готов!

Подъемный кран поднял Голубую Стрелу и поставил ее на мост, на котором, как и на всех железнодорожных мостах, уже были проложены рельсы. Начальник Станции поднял зеленый семафор, давая сигнал к отпращиванию, и поезд с легким скрежетом двинулся вперед.

Но не успел он проехать несколько метров, как Генерал снова поднял тревогу:

— Потушить все огни! Над нами вражеский самолет!

— Тысяча сумасшедших китов! — воскликнул Полубородый Капитан. — Съесть мне мою бороду, если это не Фея!

С грозным гулом огромная тень спускалась на площадь. Беглецы уже могли различить метлу Феи и сидевших на ней двух старушек.

Фея, надо вам сказать, уже почти примирилась с потерей своих лучших игрушек. Она собрала все игрушки, оставшиеся в шкафах и на складе, и отправилась по своему обычному маршруту, как всегда вылетев из трубы на метле.

Но она не добралась еще и до половины площади, как восклицание служанки заставило ее повернуть обратно.

— Синьора баронесса, посмотрите вниз!

— Куда? А, вижу, вижу!.. Да ведь это фары Голубой Стрелы!

— Мне кажется, что это именно так, баронесса.

Не теряя времени, Фея повернула ручку метлы на юго-запад и спикировала прямо на свет, отражавшийся в воде лужи.

На этот раз Генерал поднял тревогу не напрасно. Свет погасили. Машинист включил мотор на полную скорость и в одно мгновение переехал через мост. Платформа, на которой стоял парусник Капитана, и два последних вагона едва успели стать на твердую землю, как мост с грохотом рухнул.

Кто-то предположил, что Фея принялась бомбить мост, но оказалось, что это Генерал, никого не предупредив, заминировал мост и взорвал его.

— Я лучше проглочу его по кускам, чем оставлю неприятелю! — воскликнул он, покручивая усы.

Фея уже спустилась почти к самой земле и с огромной скоростью приближалась к Голубой Стреле.

— Быстрее налево! — кричал один из ковбоев.

Не дожидаясь, пока Начальник Станции подтвердит приказание, Машинист свернул влево, да так быстро, что поезд чуть не разорвался пополам и вошел в темный подъезд, в котором мерцал красный огонек трубки Серебряного Пера.

Голубую Стрелу поставили как можно ближе к стене, дверь подъезда закрыли и заперли на засов.

— Интересно, она нас увидела? — прошептал Капитан.

Но Фея не заметила их.

— Странно! — бормотала она в этот момент, описывая круги над площадью. — Можно подумать, что их проглотила земля: нигде никаких следов... Голубая Стрела была лучшей игрушкой моего магазина! — со вздохом продолжала Фея. — Ничего не понимаю: может быть, они убежали от воров и ищут дорогу домой? Кто знает! Но не будем терять времени. За работу! Нам нужно разнести бесчисленное множество подарков. — И, повернув метлу на север, она исчезла в снегопаде.

Бедная старушка, представьте себя на ее месте: ее магазин обворовали как раз в новогоднюю ночь! А она знает, что в тысячах домов в этот день ребята подвешивают к камину чулок, чтобы утром найти в нем подарок Феи.

Да, есть от чего схватиться за голову!.. А вдобавок еще этот снег: он бьет в лицо, залепляет глаза, уши. Что за ночь, синьоры мои, что за ночь!

ПРОЩАЙ, КУКЛА РОЗА!

— Здесь темно, как в бутылке с чернилами, — бормотал Начальник Станции.

— Неприятель может устроить нам здесь любую ловушку, — добавил Генерал. — Пожалуй, лучше зажечь фары.

Машинист включил фары Голубой Стрелы. Беглецы осмотрелись. Они находились в подъезде, загроможденном пустыми ящиками из-под фруктов. Это был подъезд фруктового магазина.

Куклы вышли из вагонов, собрались в уголок и подняли там невероятный шум.

— Тысяча китов-болтунов! — заворчал Полубородый Капитан. — Эти девчонки ни минуты не могут помолчать.

— Ой, здесь кто-то есть! — воскликнула кукла Роза своим милым голоском, похожим на трель кларнета.

— Мне тоже кажется, что здесь люди, — сказал Машинист. — Но кому могла прийти в голову глупая мысль сидеть в подъезде в такую холодную ночь? Что касается меня, то я отдал бы колесо моего паровоза за хорошую постель с грелкой в ногах.

— Это девочка, — заговорили куклы.

— Посмотрите, она спит.

— Как она замерзла! У нее ледяная кожа.

Самые смелые куклы протягивали свои ручки, чтобы пощупать, какая холодная у девочки кожа. Делали они это очень тихо, боясь разбудить девочку, но та не просыпалась.

— Какая она оборванная! Может быть, она поссорилась с кем-нибудь?

— А может быть, подруги побили ее, и она боится теперь вернуться домой в такой грязной и изорванной одежде?

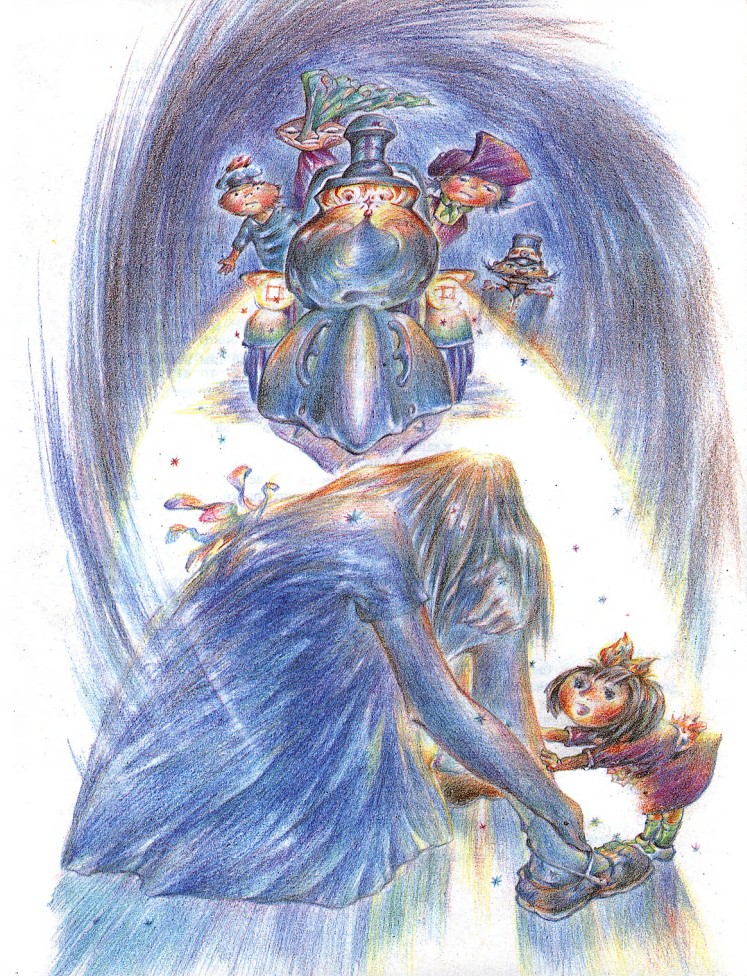
Незаметно они стали говорить громче, но девочка ничего не слышала, оставаясь неподвижной и белой как снег. Она сжала руки под подбородком, как бы желая согреться, но и руки ее были ледяные.

— Попробуем согреть ее, — предложила кукла Роза.

Она ласково коснулась своими ручонками рук девочки и стала растирать их. Бесплезно. Руки девочки были как два куска льда. Один стрелок спустился с крыши вагона и подошел к девочке.

— Э-э-э, — протянул он, бросив взгляд на маленькую, — много я видел таких девочек...

— Вы ее знаете? — спросили куклы.

— Знаю ли я ее? Нет, именно эту не знаю, но встречал похожих на нее. Это девочка из бедной семьи, и все тут.

— Как мальчик из подвала?

— Еще беднее, еще беднее. У этой девочки нет дома. Снег застал ее на улице, и она укрылась в подъезде, чтобы не умереть от холода.

— А сейчас она спит?

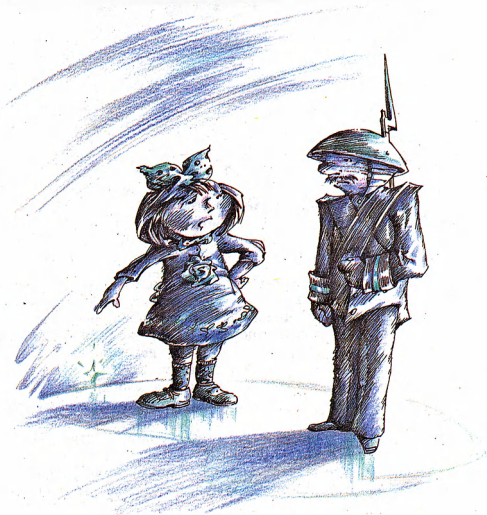
— Да, спит, — ответил солдат. — Но странный у нее сон.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не думаю, чтобы она проснулась когда-нибудь.

— Не говорите глупостей! — решительно возразила кукла Роза. — Почему она не должна проснуться? А вот я останусь здесь до тех пор, пока она не проснется. Я уже устала путешествовать. Я домашняя девочка, и мне не нравится бродить ночью по улицам. Я останусь с этой девочкой и, когда она проснется, пойду вместе с ней.

Кукла Роза совершенно преобразилась. Куда только делся ее глупый и хвастливый вид, который так раздражал Полубородого Капитана! Удивительный огонь зажегся в ее глазах, и они стали еще более голубыми.

— Я останусь здесь! — решительно повторила Роза. — Конечно, это нехорошо по отношению к Франческо, но вообще-то я не думаю, чтобы его огорчило мое отсутствие. Франческо — мужчина, и он даже знать не будет, что ему делать с куклой. Вы передадите ему мой привет, и он простит меня. А потом, кто знает, может быть, эта девочка пойдет в гости к Франческо, возьмет меня с собой, и мы еще увидимся.

Но почему это она говорила и говорила без конца, как будто в горле у нее было полно слов и ей приходилось выбрасывать их наружу, чтобы не задохнуться?

Потому, что она не хотела, чтобы заговорили другие. Она боялась услышать отрицательный ответ, боялась, что ей придется покинуть одинокую девочку в темном подьезде в такой холод. Но никто не возразил ей. Кнопка вышел из подьезда на разведку и, вернувшись, объявил, что дорога свободна и можно отправляться в путь.

Один за другим беглецы садились в поезд. Начальник Станции на всякий случай приказал ехать с потушенными огнями.

Голубая Стрела медленно двинулась к выходу.

— Прощай, прощай! — шепотом говорили игрушки кукле Розе.

— До свидания, — дрожащим голосом отвечала она. Нечего скрывать, ей было страшно оставаться одной. Она прижалась к спящей девочке и повторила: — Прощайте!

Три марионетки все вместе высунулись из окошка.

— Прощай! — хором прокричали они. — Нам хочется плакать, но ты ведь знаешь, что это невозможно. Мы сделаны из дерева, и у нас нет сердца. Прощай!

А у куклы Розы было сердце. По правде сказать, она никогда раньше не чувствовала его. Но сейчас, оставшись одна в темном незнакомом подвале, она почувствовала в груди глубокие учащенные удары и поняла, что это билось ее сердце. И билось оно так сильно, что кукла не могла произнести ни слова.

Сквозь удары сердца она едва слышала стук колес удалявшегося поезда. Потом шум затих, и ей показалось, что кто-то произнес: «Не видать тебе больше твоих подруг, маленькая».

Ей стало очень страшно. Но усталость и волнения, перенесенные во время путешествия, дали себя знать. Кукла Роза закрыла глаза. Да и к чему было держать их открытыми? Ведь было так темно, что она не видела даже кончика своего носа. Закрыв глаза, она незаметно заснула.

Так и нашла их утром привратница: обнявшись, как сестренки, на полу сидели замерзшая девочка и кукла Роза.

Кукла не понимала, почему все эти люди собрались в подъезде, и с недоумением смотрела на них. Пришли настоящие, живые карабинеры, такие большие, что просто ужас.

Девочку отнесли в машину и увезли. Кукла Роза так и не поняла, почему девочка не проснулась: ведь до этого она никогда не видела мертвых.

Один карабинер взял ее с собой и отнес к командиру. У командира была девочка, и командир взял куклу для нее.

Но кукла Роза не переставала думать о замерзшей девочке, около которой она провела новогоднюю ночь. И каждый раз, думая о ней, она чувствовала, как леденеет ее сердце.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ
ГЕНЕРАЛА

Опустив мордочку к самой земле, Кнопка бежал перед паровозом. Снег покрывал мостовую плотным одеялом. Все труднее и труднее было отыскивать под снегом запах порванных башмаков Франческо. Кнопка часто останавливался, нерешительно оглядывался по сторонам, возвращался назад, менял направление.

— Может быть, Франческо останавливался здесь поиграть? — говорил пес про себя. — Поэтому следы такие запутанные.

Машинист, прищурив глаза, медленно вел поезд за Кнопкой. Пассажиры в поезде стали мерзнуть.

— Нужно ехать быстрее, — бормотал Капитан. — Я боюсь, что таким ходом мы приедем только на будущий год или нас раздавит утром первый же трамвай.

Следы шли зигзагами, и Голубой Стреле приходилось подниматься на тротуары, спускаться с них, описывать кривые по площади, по три-четыре раза пересекать одну и ту же улицу.

— Что за манера бродить по улицам! — бормотал Начальник Станции. — Учат, учат детей, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия, а они, как только выйдут на улицу, сразу же начинают бродить по окружности. Возьмите этого Франческо: на пути в десять метров он десять раз пересек улицу. Удивляюсь, как он не попал под машину.

Кнопка неустанно искал в снегу следы Франческо. Он почти не чувствовал ни холода, ни усталости и дорогой мысленно разговаривал с Франческо, как будто тот мог слышать его: «Мы все идем к тебе, Франческо! Это будет чудесный сюрприз для тебя. Вот увидишь».

Он так увлекся мысленными разговорами с Франческо, что не заметил, как следы куда-то исчезли. Он рыскал по всем направлениям, но никак не мог отыскать их. След кончался здесь, посредине этой узкой, слабо освещенной улицы, а не перед подъездом или где-нибудь на тротуаре.

«Невероятно! — подумал Кнопка. — Не мог же он подняться в воздух?»

— Что там случилось? — закричал Генерал, которому повсюду чудились враги.

— Кнопка никак не отыщет следов Франческо, — хладнокровно сообщил Машинист.

Раздался общий стон. Куклы уже видели себя погребенными под снегом посредине улицы.

— Тысяча мороженных китов! — воскликнул Полубородый. — Только этого еще нам не хватало!
— Его украли! — возбужденно проговорил Генерал.
— Кого украли?
— Ребенка, черт возьми! Нашего Франческо! Его следы доходят до середины улицы и там кончаются. Что это означает?
— Ребенка подняли в воздух, швырнули в машину и увезли прочь.
— Но кто же мог украсть его? Кому нужен бедный ребенок?
— Что же нам делать? — воскликнул Начальник Станции, который начинал терять терпение.

Выручил Сидящий Пилот. Он предложил слетать на разведку, и так как никто не мог предложить ничего лучшего, предложение было принято. Самолет набрал высоту. Некоторое время его еще видели в слабом свете уличного фонаря, но вот уже он исчез из виду, а вскоре затих и шум мотора.

— Ручаюсь, что мальчика украли, — продолжал настаивать Генерал. — Это значит, что страшная опасность угрожает всем нам. Ко мне, мои солдаты! Зарядите быстрее пушки, поставьте их вдоль поезда и приготовьтесь открыть огонь!

Артиллеристы заворчали:

— Чтоб он простудился! Заряжать и разряжать всю ночь! А заряды уже промокли и не взорвутся, если даже их бросить в Везувий!

— Молчать! — прикрикнул на них Генерал.

Стрелки, неподвижно стоявшие на крышах вагонов, смотрели сверху вниз на своих братьев, которые потели, таская тяжелые пушки.

«Везет артиллеристам! — думали стрелки. — Они работают, а нас уже до колен засыпало снегом. Пройдет немного времени, и мы превратимся в снежные статуи!»

Музыканты тоже были в отчаянии: снег набился в трубы и закупорил их.

Тут произошло нечто непонятное: как только первую пушку сняли с платформы, она исчезла под снегом. Вторая провалилась, как будто под ней было озеро. Земля проглотила третью пушку. Короче говоря, как только пушку спускали с платформы, она исчезала под снегом.

— Что такое... Это же... — От удивления и негодования Генерал потерял дар речи. Он опустился на колени и принялся разрывать снег руками.

И тут все разъяснилось. Оказалось, что пушки ставили прямо на прикрытое снегом отверстие ямы, и они проваливались в воду, журчавшую под снегом.

Генерал так и остался стоять на коленях, как будто сраженный молнией. Он сорвал берет, стал рвать волосы на голове и, может быть, содрал бы и кожу, если бы не услышал, что артиллеристы смеются.

— Несчастные! Лучшие, единственные орудия нашей армии попали в ловушку неприятеля, а вы смеетесь! Разве вы не понимаете, что теперь мы безоружны? Все под арест! По возвращении в казарму вы все предстанете перед судом военного трибунала!

Артиллеристы сразу же приняли серьезный вид, но продолжали вздрагивать от едва сдерживаемого смеха.

«Не так уж плохо, — думали они, — по крайней мере, мы не будем больше заряжать и разряжать пушки! Пусть синьор Генерал кричит сколько ему угодно. Нам и без пушек хорошо: меньше работы».

Генерал, казалось, постарел лет на двадцать. Волосы его побелели, может быть, еще и оттого, что он снял берет и снег падал на его голову со скоростью сантиметра в секунду.

Камни прослезались бы при виде этой сцены! Но, к несчастью, камни не могли видеть этого: ведь они сами были под снегом.

— Все кончено! — рыдал Генерал. — Кончено! Мне нечего больше делать!

У него было такое ощущение, словно он кушал чудесное пирожное и вдруг, неизвестно каким образом, вся сладость исчезла и он обнаружил, что жует что-то вроде безвкусного картона. Без пушек жизнь Генерала была безвкусной, как еда без соли.

Он продолжал неподвижно стоять на коленях, не обращая внимания на все просьбы, и даже не отряхивал с себя снег.

— Сяньор Генерал, на вас падает снег, — услужливо заметили артиллеристы и хотели стряхнуть снег с его плеч.

— Оставьте меня, оставьте меня в покое!

— Ведь снег совсем засыплет вас. Он дошел уже до колен.

— Неважно.

— Сяньор Генерал, снег уже вам по грудь.

— Я не чувствую холода. Сердце у меня сейчас холоднее снега.

В одно мгновение Генерал был почти целиком покрыт снегом. Некоторое время еще виднелись его усы, но вот и они исчезли. Вместо Генерала осталась снежная статуя: статуя коленопреклоненного Генерала, вцепившегося руками в края ямы, в которую провалились его пушки. Бедный Генерал, что за гибель!

По-моему, он не заслужил такой участи, хотя и хотел ее. Никто не мешал ему подняться, отряхнуть снег и укрыться в вагоне. Будучи Генералом, он имел право ехать в вагоне первого класса. Однако он предпочел превратиться в снежную статую.

Но оставим Генерала с его холодной судьбой. Прощай, сяньор Генерал! Мы не забудем тебя.

Но я-то хорош! Теряю время на поминки по Генералу, когда пассажирам Голубой Стрелы угрожают очень серьезные неприятности. На этот раз речь идет о Кошке. Настоящей, не игрушечной. Кошке величиной с целых два вагона Голубой Стрелы.

Пока мы все смотрели на Генерала и мысли наши были заняты его самопожертвованием, страшная хищница тихонько подобралась по снегу, осмотрела всех своими зелеными глазами и выбрала добычу.

Вы еще не забыли о Канарейке в клетке, которая прыгала на своей пружине и все время напевала «чик-чик»? Ну вот, добавлю только, что клетка с Канарейкой была подвешена снаружи к окошку Голубой Стрелы. Вообще-то клетка должна была висеть в вагоне, но Канарейка своим несмолкаемым пением так всем надоела, что клетку подвесили снаружи.

Кошка приметила неосторожную Канарейку и решила полакомиться ею. «Я сломаю клетку одним ударом лапы», — подумала она.

Так и вышло.

«Еще одним ударом я заставлю Канарейку замолчать», — подумала Кошка.

Но так не вышло.

Канарейка почувствовала, как острые когти скользнули по ее крыльям, и испустила отчаянное «чик-чик». Затем что-то треснуло, щелкнуло, и распрямившаяся пружина больно ударила агрессора по носу.

Полуослепшая от боли и напуганная неожиданным ударом — кто мог ожидать такую энергичную защиту от Канарейки? — Кошка убралась прочь. Ковбой некоторое время пытались преследовать ее, но их кони проваливались в снег и не могли бежать быстро.

Да, на этот раз Кошка вместо добычи получила удар по носу. Но и бедная Канарейка лежала в снегу вся изуродованная. Из-под крыльев у нее торчала стальная пружина. Раскрытый клюв замолк навсегда.

В течение нескольких минут Голубая Стрела потеряла двух своих пассажиров.

Третий — Сидящий Пилот — в этот момент летел неведомо где на своем самолете. А может быть, уже порыв ветра ударил его о печную трубу? Или он рухнул на землю под тяжестью снега, облепившего слабые крылья его самолета? Кто знает!

Канарейку с воинскими почестями похоронили под снегом. Стрелки вытряхнули из своих труб снег и сыграли похоронный марш. Сказать по правде, звук труб был какой-то простуженный: казалось, что музыка доносилась издалека, с соседней улицы. Но все же это было лучше, чем ничего.

Впрочем, история Канарейки на этом не кончается. Ее друзья из Голубой Стрелы не знают продолжения этой истории, потому что, похоронив Канарейку, они возобновили свой ночной марш. Но я на некоторое время задержался здесь и видел, как ночной сторож слез со своего велосипеда, колесо которого наткнулось на клетку Канарейки.

Ночной сторож подобрал ее, подвесил к велосипеду и тут же, прямо посреди улицы, попробовал вправить пружину. Чего только не сделают две искусные руки! Через несколько минут прозвучало «чик-чик» Канарейки, немного приглушенное, но от этого еще более веселое и беспечное.

«Она понравится моему сыну, — подумал ночной сторож. — Я скажу ему, что Канарейку мне дала Фея. Скажу, что встретил ее ночью на улице и она передала ему привет и пожелания веселой, счастливой жизни».

Так подумал ночной сторож. Может быть, он думал еще что-нибудь, но у меня нет времени сообщить вам об этом, потому что я должен продолжить рассказ о приключениях Голубой Стрелы. А ночной сторож поехал дальше и на поворотах, вместо того чтобы звонить в велосипедный звонок, он толкал клетку, и тогда раздавалось веселое «чик-чик» Канарейки. Мне кажется, что он неплохо придумал.

ПОЛЕТ СИДЯЩЕГО ПИЛОТА

Все мы в сборе? Нет, не хватает Сидящего Пилота, который отправился на своем аэроплане на поиски следов Франческо.

Это был опасный полет: ведь погода была совсем не летная.

Стараясь держаться середины улицы, чтобы не запутаться в электрических проводах или не натолкнуться на какое-нибудь здание, Сидящий Пилот с завистью думал о Фее:

«Интересно, каким образом эта старая синьора летает на своей метле, если я на самолете новейшей конструкции и то ежеминутно рискую рухнуть на землю?.. Хотел бы я знать, — продолжал про себя доблестный авиатор, — в какую сторону мне сейчас направиться? Ничего не видно ни вверху, ни внизу, ни слева, ни справа, да я и не верю, чтобы Франческо оставил какие-нибудь следы в облаках. По-моему, нужно спуститься ниже».

Он пошел на снижение, но ему моментально пришлось снова набрать высоту, чтобы не приземлиться на голову ночного сторожа, который быстро ехал по улице на своем велосипеде. Возможно, это был тот самый сторож, который нашел Канарейку.

Спустя некоторое время Пилоту показалось, что ночь стала чуть посветлее.

— Может быть, я вылетел на площадь? — проговорил он про себя. — Попробую спуститься еще раз.

Он снова пошел на снижение, но вдруг перед ним выросла огромная мрачная тень, из глубины которой прозвучал громкий голос:

— Эй, синьор Пилот, приземляйтесь, пожалуйста, сюда!

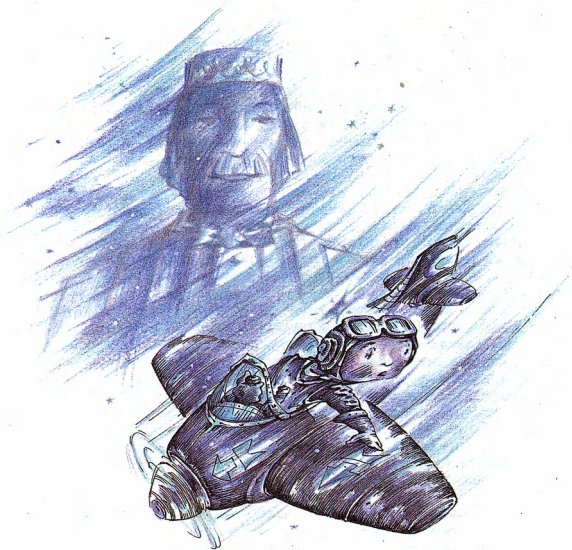
Сидящий Пилот моментально принял решение: «Сделаю вид, что не слышал. Я никого не знаю в этих краях и не хотел бы нарваться на какую-нибудь неприятную встречу».

Но только он это подумал, как чья-то гигантская рука осторожно взяла аэроплан и потащила его к себе.

— Я пропал! — громко воскликнул Сидящий Пилот.

— Почему пропал? Я никогда не был ни бандитом, ни разбойником, — ответил хозяин руки. — А теперь я всего-навсего мирный бронзовый Памятник, стоящий в центре площади, и у меня даже в мыслях нет сделать вам что-нибудь плохое.

Сидящий Пилот облегченно вздохнул и осмелился, наконец, посмотреть, откуда исходил голос. Он увидел огромное добродушное лицо, на котором между усами и бородой скользнула приветливая улыбка.

— Кто вы такой?

— Я уже сказал вам. Я Памятник. Раньше я был патриотом и с высоты моего коня призывал воинов к освобождению родины.

— А сейчас вы тоже на лошади?

— Да. Лошадь довольно большая, как же вы ее не заметили?

— Я летел высоко. Сейчас, с вашего разрешения, я отправлюсь дальше. Я сделаю над вами круг, чтобы лучше осмотреть вас и вашу лошадь.

— К чему спешить? — улыбнулся Памятник. — Подождите еще минутку, давайте немного поболтаем. Мне так редко случается говорить с кем-нибудь, что я чувствую, как у меня онемел язык и губы двигаются с трудом. Я уже давно услышал жужжание вашего самолета и очень удивился. «Неужели, — думаю, — летает муха в такое время года?» Что за история! Клянусь, что такие маленькие аэропланы я видел только в руках детей!

Сидящий Пилот рассказал, что его аэроплан тоже детская игрушка, и в нескольких словах сообщил Памятнику о своих делах и о Голубой Стреле.

— Очень интересно, — ответил Памятник, внимательно выслушав рассказ. — Я тоже люблю детей. В хорошую погоду они всегда прибегают поиграть около моего коня. А сейчас выпал снег, и они оставили меня одного. Но это вполне естественно, и я не обижаюсь. Правда, один из них частенько навещает меня и сейчас, хотя я не могу поручиться, что он приходит именно ко мне. У этого мальчугана каштановые волосы, и чуб спускается ему на самые глаза. Он приходит, садится на ступеньки и долго думает о чем-то. Потом уходит. Мне кажется, что он чем-то очень расстроен.

— Если бы его звали Франческо, — вздохнул Сидящий Пилот, — он мог бы оказаться нашим другом. Что вы об этом думаете?

— К сожалению, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь произносил его имя. Вообще-то у людей не принято, чтобы они сами себя называли по имени: они ждут, пока их позовут другие. Но этот мальчик мне кажется одиноким, и в этих краях никто его не знает.

— Если бы его звали Франческо... — снова вздохнул Сидящий Пилот.

Неожиданно его осенила блестящая идея:

— Только Кнопка может решить этот вопрос. Он обнюхает ступеньки и скажем нам, Франческо это или нет.

— Хорошо сказано — хорошо сделано. И я буду иметь удовольствие познакомиться со всей вашей компанией.

— Но... — пробормотал Сидящий Пилот, становясь грустным, — как он мог попасть сюда? Ведь следы теряются там, посреди улицы?

Памятник усмехнулся в усы.

— Вижу, что вы не совсем хорошо знаете ребят, — вежливо заметил он. — В противном случае вы бы знали, что они любят путешествовать на подножке трамвая. Они не должны так делать, потому что это запрещено. Но иногда они нарушают это правило. Как раз я вспомнил: вчера на подножке трамвая мимо меня проезжал мальчик с каштановыми волосами, и полицейский заставил его слезть.

— Тогда нечего сомневаться, это наверняка был Франческо! — весело воскликнул Сидящий Пилот.

Через четверть часа вся компания уже находилась у подножия Памятника.

Кнопка нервно бегал по ступенькам, обнюхивая их так, как будто хотел втянуть эти массивные мраморные ступени в свои ноздри. Он нюхал долго, чтобы не ошибиться. В действительности он сразу же почувствовал запах башмаков Франческо.

«Наконец-то мы тебя отыскали!» — ликовал он про себя.

— Ну? — нетерпеливо воскликнул Полубородный Капитан, у которого лопнуло терпение.

— Это Франческо, — изрек, наконец, Кнопка, — мы отыскали его!

— Ура, тысяча треугольных китов!

Кто знает, что подразумевал капитан, говоря о треугольных китах, которых не было и никогда не будет на свете. В порыве энтузиазма он не соображал, что говорил.

Памятник тоже был доволен. Где-то вверху среди ночи и снега загремел его смех. Затем смех передался ногам лошади, и ноги задрожали.

Полковник стрелков решил отметить это событие небольшим концертом своего оркестра. И тут случилась необыкновенная вещь. Когда трубы стрелков заиграли один из их дьявольских маршей, ноги лошади отделились от пьедестала и принялись танцевать. Старый патриот при звуке фанфар почувствовал, как в его груди забились сердце.

— Ура! — радостно закричал он. — Вон, иностранец!* Ура! Иностранец, убирайся прочь!

* Слова из знаменитого «Гюнна Гарibaldi».

Фанфары стрелков вернули его к жизни. Старый патриот пришпорил коня, съехал с мраморного пьедестала и рысью сделал круг по площади. Копыта глухо цокали по снегу в такт музыке.

Это была такая волнующая сцена, что пассажиры Голубой Стрелы забыли о холоде и перенесенных невзгодах. Но Кнопка ни минуты не переставал думать о цели их путешествия.

— За мной! — воскликнул он своим смешным голоском и помчался впереди Голубой Стрелы по следу Франческо.

Голубая Стрела с трудом попевала за ним. А Памятник мчался на лошади без всякого труда. Как, и Памятник?.. Да, Памятник тоже ехал рысью за Кнопкой.

БРОНЗОВЫЙ ПАМЯТНИК

— Тысяча китов-велосипедистов! — растерянно бормотал Полубородый Капитан. — Никогда мне не приходилось видеть, чтобы Памятник скакал по улице, как на бегах!

— Да, это не часто увидишь, — засмеялся Памятник. — Я не могу, конечно, ездить по улицам, когда хочу. Но иногда и я не прочь прогуляться.

— Конечно, ведь быть Памятником не очень-то весело.

— Ну нет, я бы не сказал. Некоторое удовлетворение мы тоже получаем. В городе мы важные персоны. Прежде всего вокруг нас должна быть площадь, несколько деревьев и хотя бы пара скамеек. На скамейках нищие могут подышать свежим воздухом летом или погреться на солнышке зимой. А кроме того, нас обычно ставят на высокие пьедесталы, окруженные ступеньками. На этих ступеньках играют дети. Мы, памятники, тоже приносим пользу и поэтому не жалуемся на свою судьбу. Однако иногда неплохо размять ноги хорошей прогулкой. Мне такое счастье выпадает раза два в год, когда случается что-нибудь необыкновенное. В эту ночь, например, марш оркестра стрелков... Если бы я не знал совершенно точно, что сделан из бронзы, я готов был бы держать пари, что кровь в моих жилах потекла вдвое быстрее.

— А что произошло, когда вы в последний раз прогуливались в свое удовольствие? — спросил Полубородый.

Собеседникам было довольно трудно понимать друг друга. Чтобы Памятник лучше слышал, Полубородый забрался на самую высокую мачту своего парусника и ежeminутно рисковал упасть и разбиться о палубу.

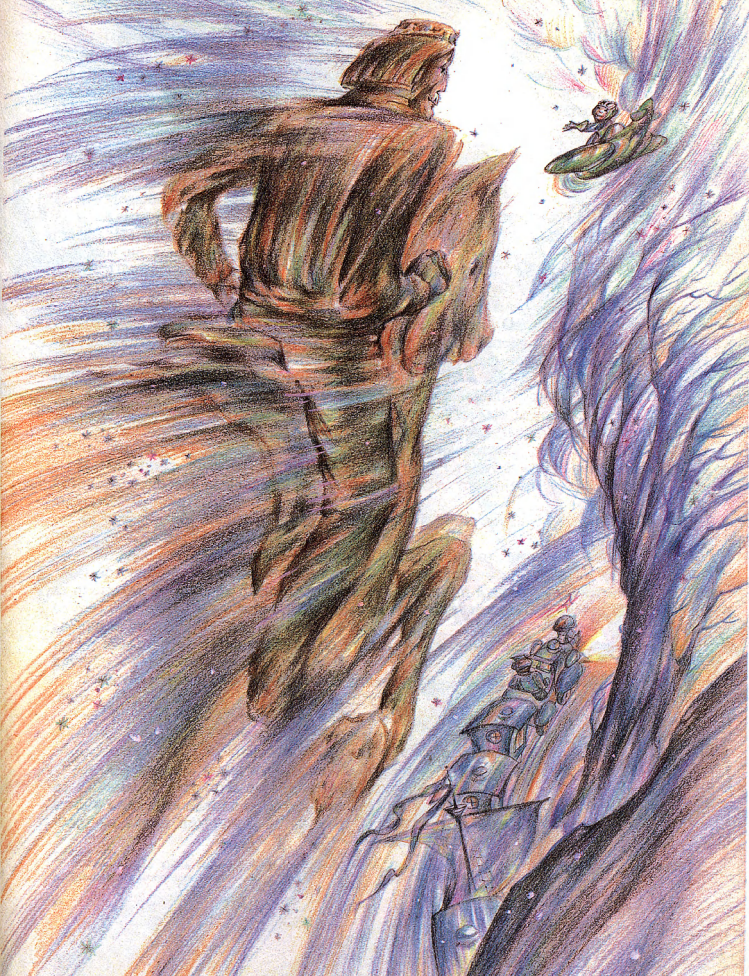
Памятник немножко замешкался с ответом: возможно, он не мог сразу вспомнить. Кто знает, как работает память у бронзовых памятников?

— Это, — заговорил он наконец, — было месяцев шесть тому назад. Помню, было воскресенье. На площади собралось много людей.

— И все видели, как вы гуляете?

— Нет, прогулка состоялась позже. Дайте же мне рассказать! Собралось много народу, и все они кричали. Сначала я не мог понять, чего они хотят, но потом слова стали доноситься отчетливее. И когда я разобрал, что они кричали, клянусь, сердце забилося у меня в груди. «Вон из Италии! — кричали они. — Прочь, иностранец!» Черт возьми, ведь это когда-то был мой победный клич! Мне казалось, что я вот-вот закричу вместе с ними: «Прочь, иностранец! Прочь, иностранец!» Вот как было дело.

— На этом все кончилось?

— Нет, самое главное впереди. Пока люди кричали, приехали карабинеры. Я, конечно, не испугался их, но люди на площади стали разбегаться в разные стороны. Только один остался. Он взбежал по ступенькам пьедестала, вскарабкался на моего скакуна и принялся кричать: «Вон, иностранец!» «Молодец, — думал я про себя. — Видно, это настоящий патриот. Его непременно наградят медалью...»

Памятник замолчал.

— Ну, и дали ему? — спросил Полубородый.

— Что?

— Медаль.

— Какая там медаль, его посадили в тюрьму! Я не верил своим бронзовым глазам. На него надели кандалы и увели. Мое негодование было так велико, что, сам не заметив как, я спустился с пьедестала и галопом помчался по улице. Прежде чем я понял, что со мной происходит, я уже очутился перед тюрьмой.

— И вы увидели вашего друга!

— Да, я разглядел его в окошке на третьем этаже. Окошко было такое маленькое, что виднелись только его глаза и нос. Но я сразу узнал его взгляд и голос, когда он окликнул меня... Послушайте, мне пришла в голову неплохая мысль. Что, если он еще там?

— Но прошло уже шесть месяцев, его уже, наверно, освободили.

— Пойдемте посмотрим: тут всего два шага. Тюрьма находится в конце этой аллеи. Пойдемте, это будет неплохой сюрприз нашему пленнику... Потом вы отправитесь дальше, а я вернусь на пьедестал.

И Машинист полным ходом повел Голубую Стрелу в сторону тюрьмы, которая виднелась невдалеке, серая и огромная, с сотнями узких черных дыр вместо окон.

— Никого не видно, — сказал Памятник, внимательно осмотрев все этажи.

— Давайте я посмотрю, — сказал Сидящий Пилот.

И вот он уже летит на высоте крыши и внимательно осматривает окошко за окошком. В камерах было полно заключенных, но Сидящий Пилот никого из них не знал. К счастью, на помощь пришла лошадь Памятника: она звонко заржала.

— Молодец, — воскликнул Памятник, — ты тоже вспомнила о нашем друге!

На этот раз из окошка третьего этажа сразу же высунулось исхудалое лицо.

— Привет! — закричал Памятник, узнав заключенного.

— Привет! А я то-то думал, что ты являлся мне во сне.

— А вот и не во сне! Так тебя все еще не освободили?

— А-а-а, здесь такая же история, как в книге о Пиноккио*: воры выходят из тюрьмы, а патриоты остаются. Мне жаль только, что в эту новогоднюю ночь я нахожусь далеко от моей семьи. Мой мальчик ждет, конечно, подарка Феи, но какой подарок я смогу ему послать? Здесь нет игрушек.

* Речь идет о книге писателя Коллоди «Приключения Пиноккио», послужившей прототипом для книги А. Толстого «Приключения Буратино».

— Нет? А мы что такое? — воскликнул тогда Сидящий Пилот.

Заклоченный прищурил глаза и увидел маленький аэроплан, порхавший перед его глазами. Потом он посмотрел вниз и увидел Голубую Стрелу и ковбоев, гарцевавших по снегу на своих лошадях, которые с высоты казались маленькими мышами.

Заклоченный вздохнул:

— Ах, если бы здесь был мой сынок!

— А кто из нас, по-вашему, ему бы понравился? — спросил Кнопка, которого осенила новая идея.

«В конце концов, — подумал он, — не обязательно, чтобы все мы пошли к Франческо. Многие дети остаются без подарков, и нам не мешало бы разделиться, чтобы понемногу порадовать всех».

— Не знаю, — смутившись, ответил заклоченый, — когда я был дома, он очень любил запустить бумажного змея.

— Тогда ему, без сомнения, понравится змей, который летает без ниток! — воскликнул Сидящий Пилот.

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что, если вы дадите ваш адрес, я полечу туда и приземлюсь на подушку вашего сына, как на самый лучший аэродром.

На этот раз Сидящий Пилот побил рекорд доброты.

Тут совершенно неожиданно Памятник разразился смехом.

— Прекрасно, — воскликнул он сквозь смех, — меня повысили! Меня повысили в должности. Я был простым Памятником, а стал Феей, которая разносит подарки!

— Ну как, — напомнил Сидящий Пилот, — вы дадите мне ваш адрес?

— Я... ну, конечно, конечно! — заторопился заклоченый. — Летите по этой аллее, потом свернете направо и долетите до самого холма; сделайте круг над холмом и увидите дом с тремя трубами. Самая низкая труба — от моего камина. Вы не ошибетесь!

Сидящий Пилот повторил адрес, чтобы лучше запомнить его, попрощался со всеми и приготовился к полету.

Во время этого разговора кукле Нере, по правде сказать, было очень грустно. Вы помните ее? Это она не сводила глаз с Сидящего Пилота, а он даже не замечал этого. А сейчас Сидящий Пилот собирается улететь, и она никогда больше его не увидит. Слезы выступили у нее на глазах. Но она собрала все свое мужество и крикнула:

— Сеньор заклоченый, а дочери у вас нет?

— Есть, но она еще очень мала и не понимает, что такое подарки.

— Но ведь она вырастет! И вырастет без подарков. Хороший же вы отец: совсем не беспокоитесь о вашей дочери!

Серебряное Перо вынул изо рта трубку и в первый раз за все время рассмеялся.

Это было настолько странно, что все обернулись: никто еще никогда не видел, чтобы он смеялся. Ведь известно, что краснокожие никогда не смеются.

— Кукла Нера обманывать. Она хочет лететь с Сидящий Пилот.

Кукла Нера была чернокожей, но она так покраснела от стыда, что чуть не превратилась в краснокожую.

Сидящий Пилот засмеялся, сделал круг над площадью, подхватил на лету куклу Неру, посадил ее в кабину и крикнул:

— Вот кукла для вашей девочки! Можете не сомневаться: когда она вырастет, кукла ей понравится.

И самолет с рокотом умчался вдаль.

Так мы расстались с этим симпатичным героем. Расстаемся мы и с заключенным, потому что пришел надзиратель и заставил его отойти от окна. Расстаемся и со старым Памятником, который, проводив наших друзей, вернулся на свою площадь.

Сколько расставаний! Наверно, к концу путешествия, когда мы приедем к двери Франческо, нас останется очень мало.

Но, тсс, мы же еще не приехали. Кнопка отыскал след, Голубая Стрела мчится вперед. А кто это зловеще улыбается за ветками деревьев? Кто следует по пятам за нашими друзьями?

ПОДВИГ СЕРЕБРЯНОГО ПЕРА

— Синьора баронесса, это они!

— Тише, Тереза, тише, а то они услышат и убегут!

— Бог мой, только этого еще не хватало после всех лишений, которые мы перенесли, отыскивая их!

— Замолчи, говорят тебе, а то я снижу тебе заработную плату!

Старая служанка замолчала, потому что, когда Фея обещала увеличить заработную плату, это можно было не принимать всерьез, но когда она угрожала снизить ее, можно было держать пари, что она сдержит свое обещание. Из всех арифметических действий сложение нравилось ей тогда, когда она подсчитывала свои доходы, а вычитание — когда ей приходилось платить другим. Она считала, что сложение и умножение были действиями синьоров, а вычитание и деление — удел бедняков.

Всю ночь Фея и служанка мчались как сумасшедшие, рискуя сломать метлу, на которой летели. Когда они уже выбились из сил и собирались повернуть назад, острые глазки Феи заметили сквозь снегопад Голубую Стрелу, которая с потушенными фарами мчалась вдоль трамвайной линии в сторону городской окраины.

— Вот они, — сказала Фея.

Наши друзья еще ничего не заметили: они так радовались, что, наконец, отыскали следы своего Франческо.

— Следы совсем свежие, — ликовал Кнопка, — без сомнения, мы уже близки к цели!

Внезапно Серебряное Перо вынул трубку изо рта, как будто хотел что-то сказать. Однако не сказал ничего, но его уши стали двигаться во всех направлениях, как у волка; все краснокожие тоже стали прислушиваться.

Один из ковбоев, который был хорошо знаком с краснокожими, помчался предупредить Начальника Станции.

— Краснокожие что-то услышали.

— Ну и что же? На то у них и уши, чтобы слышать.

— Серебряное Перо чем-то озабочен. Может быть, он почуял какую-то опасность?

— Он что, тоже нюхает? Но и поезд: вместо того чтобы двигаться по рельсам, двигается по запаху! Кнопка нюхает уже несколько часов подряд, а теперь за то же принялся этот старый дурак. Оставьте меня в покое. Голубая Стрела больше не остановится ни на секунду.

Должен вам признаться, что иногда на нашего Начальника Станции находит необъяснимое упрямство. Но ему все же пришлось остановить поезд,

потому что Серебряное Перо и все его люди выпрыгнули на ходу из вагона, рискуя сломать себе шею, и расположились вокруг Голубой Стрелы, держа наготове свои боевые топоры.

— Что все это значит в конце концов? — яростно воскликнул Начальник Станции. — Не кажется ли вам, что вы выбрали неподходящее время для шуток?

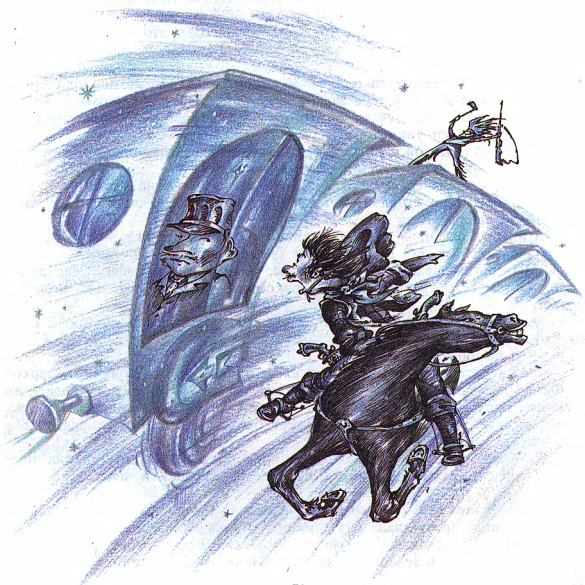
Серебряное Перо невозмутимо посмотрел на него.

— Мы слышать шум. Кто-то ходит по деревьям.

— Вы слышали шум? — воскликнул Начальник Станции.

И вдруг на дереве хрустнул сучок. Это старая служанка, боясь упасть, уцепилась за ветку, которая не выдержала ее тяжести и треснула.

— Шш! — прошипела Фея. — Тихо! Не шевелись! Останься на месте, нас услышали!

— Не могу остаться на месте, я вот-вот упаду.
— Я говорю тебе: останься на месте!
— Скажите это ветке, синьора баронесса. Она трещит, я слышу. Ради бога, синьора хозяйка, помогите!

Услышав, что служанка назвала ее «синьора хозяйка» вместо «синьора баронесса», Фея ужасно рассердилась. Служанка подумала, что Фея хочет поколотить ее, и отпрянула назад. Но от слишком быстрого движения она потеряла равновесие и с криком рухнула вниз. Правда, она упала на снег и не ушиблась, но в тот же миг краснокожие окружили ее я своими топорами, как кольями, пригвоздили к земле ее юбку.

— Вернись назад! — закричала испуганная Фея. — Лезь скорее на дерево!

— Помогите, синьора хозяйка, помогите! Я попала в плен к индейцам! Они вырвут мне волосы!

Но Фея боялась вязываться в сражение. Долгие годы игрушки повиновались ей беспрекословно. А сейчас хозяйка не была уверена в своей власти над ними. Они сами захотели убежать, теперь она это поняла. И, если судить по тому, как они обошлись с бедной служанкой, вряд ли захотят вернуться.

— Хорошо! — крикнула она. — Я полечу одна! Но не приходи потом жаловаться, если я снижу тебе заработную плату. Я не могу позволить себе роскошь платить тебе деньги за то, что ты в рабочее время спокойно развалилась посреди улицы.

— Какое тут спокойствие, синьора хозяйка! Разве вы не видите, что они пригвоздили мою юбку к земле своими топорами?

Но Фея не стала ее слушать. Бормоча проклятия, она улетела.

Серебряное Перо стоял в двух сантиметрах от носа служанки и с любопытством наблюдал за ней.

— Синьор индеец, — стала спрашивать бедная старушка, — вы вырвете мне волосы, не так ли? Ведь такой у вас обычай?

— Мы не вырывать ни один волос, — строго произнес Серебряное Перо. — Мы есть храбрый индеец, никого не убиваем, а только играть с детьми.

— Ах, спасибо, синьор индеец! А что вы будете делать со мной? Если вы отпустите меня, то я обещаю вам...

— Что вы обещаете?

— Вот видите, я сделала список всех детей, которые не получают подарков от Феи. Что ж вы думаете, мне ведь тоже их жаль... Я не могу видеть их грустные лица, когда они приходят к моей хозяйке. Я записала все их имена, видите? Вот он, список... Может быть, вы захотите отправиться к кому-нибудь из них?

Если бы ей позволили продолжать, она болтала бы еще до сих пор, а ведь все это случилось десять лет, шесть месяцев и пять дней тому назад.

Но Серебряное Перо молниеносно принимал свои решения. Он выхватил список, который протягивала ему служанка, приказал освободить ее, вскочил в вагон вместе со своими людьми и снова взял в рот трубку.

— Что же делать теперь? — спросил Начальник Станции.

— Нас ждет Франческо, — робко промолвил Кнопка. — Мы, наверно, находимся в десяти шагах от его дома.

— Сначала ходить в дом Франческо, и кто хочет — остаться с ним. Потом ходить к другим мальчишкам, — сказал Серебряное Перо.

— Тысяча бродячих китов! Если вы думаете, что я хочу путешествовать всю жизнь, как Летучий Голландец, то вы жестоко ошибаетесь. Как только мы приедем к Франческо, я поставлю мой корабль в таз, подниму паруса, выберу якорь и попрощаюсь с вами тремя гудками сирены.

Последние слова Полубородого потонули в грохоте колес. Голубая Стрела снова тронулась в путь. Никто даже не взглянул в сторону бедной старой служанки, которая отряхивала снег с юбки и печально вытирала глаза.

— Я не обижаюсь, — бормотала про себя бедная старуха. — Они ничего плохого мне не сделали. Но неужели они думают, что моя хозяйка на самом деле такая скупая, какой она кажется? Нет, нет, я всем скажу, даже если вы не захотите выслушать меня: хозяйка, конечно, скуповата, но она ведь бедная. Она ничего не может дарить даром, потому что ей самой приходится покупать эти игрушки. Если бы она была так богата, как сказочная Фея, она всем раздавала бы подарки бесплатно. Но ведь она не Фея из сказки, а самая обыкновенная женщина. Поэтому она и дает игрушки только тем, кто платит.

И старушка, прихрамывая, направилась к магазину Феи, чтобы дожидаться там своей хозяйки, которая в полночь обычно возвращалась домой, чтобы подкрепиться чашечкой кофе.

«Я волью ей в кофе три ложечки рома, — подумала старая служанка, — она будет довольна и не будет особенно ругать меня».

Тем временем Кнопка бежал все быстрее. Следы привели его в очень узенькую улочку, в которой было столько снега, что пришлось пустить в ход снегоочиститель. Перед одной дверью следы кончились. Кнопка остановился так внезапно, что Машинист едва успел затормозить, чтобы не задавить щенка.

— Мы приехали? — спрашивали пассажиры.

— Да, приехали, — подтвердил Кнопка, сердце которого стучало, как молоток: тук, тук, тук...

— Тогда войдемте, — предложил Начальник Станции, с любопытством глядя на дверь.

Это была такая же дверь, как и все остальные, только все двери были закрыты, а эта открыта.

— Что за люди? — воскликнул Начальник Станции. — Спят в январе с открытой дверью, да еще в такую метель! Может быть, они не чувствуют холода?

СЕРДЦА ТРЕХ МАРИОНЕТОК

Пассажиры Голубой Стрелы огорченно смотрели друг на друга.

— Бедный мальчик! — вздохнул Машинист. — Что же с ним случилось?

— Сколько мы проехали, и все без толку! — добавил Начальник Станции. — Тысяча бродячих китов! — послышалось ворчанье Полубородого Капитана. — Мы думали, что прибыли в порт, а на самом деле снова находимся в открытом море.

Куклы выглянули из окошек и вышли из поезда, но тут же вскочили обратно в вагоны, чтобы не промочить ноги в снегу.

Лошади ковбоев топтались на месте.

— Нам ничего не остается, как вернуться в лавку Феи, — грустно прошептал Начальник Станции.

— Никогда! — решительно воскликнул Полубородый. — Скорее я буду плавать в луже или сделаюсь пиратом!

— Что же вы предлагаете?

— Я уже сказал: что касается меня, то к хозяйке я не вернусь.

Серебряное Перо вспомнил о списке, который он взял у служанки Феи. Он вытащил список из кармана и принялся изучать его.

— Здесь есть много Франческо, — сказал он.

Перед пассажирами Голубой Стрелы сверкнул луч надежды.

— А наш здесь есть?

— Нет. Здесь много других Франческо и много Пьеро, Анн, Марий, Джузеппе.

— Все эти дети не получают подарков от Феи, — прошептал Полубородый. — Кто знает! Может быть... Правильно я говорю?

— Да, — неохотно согласился Начальник Станции, — я понял, что вы хотели сказать. Если мы не найдем нашего Франческо, то можем осчастливить других детей. Что скажет на это Серебряное Перо?

Старый вождь еще никак не мог понять, что в мире есть много мальчиков по имени Франческо и большинство из них остались без подарков. Может быть, он думал, что в мире существует только один Франческо, или по крайней мере, два: богатый и бедный. А тут в одном списке бедняков оказалось так много Франческо, что только, чтобы перечислить их всех, нужно кончить по меньшей мере третий класс начальной школы.

— Как много Франческо! — продолжал повторять он. Казалось, только сейчас он обнаружил, что мир такой большой. А ведь они всю ночь кружили по городу, видели тысячи домов с тысячами окон.

— Мы ходить искать все Франческо, — сказал, наконец, Серебряное Перо.

— Все по вагонам! — закричал Начальник Станции.

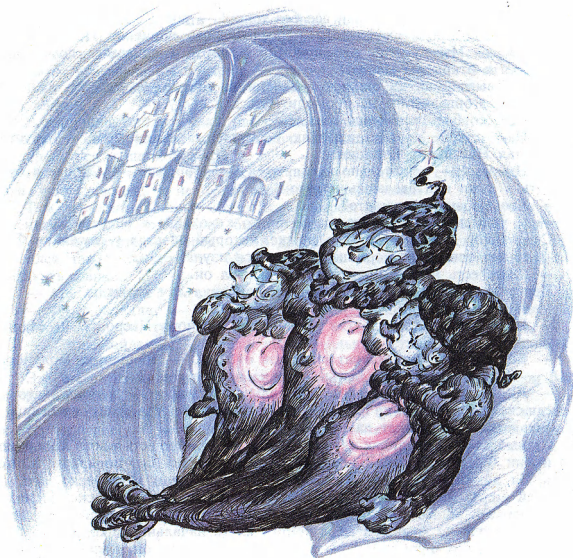
Но в этой команде уже не было надобности: все пассажиры и без того сидели в вагонах, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

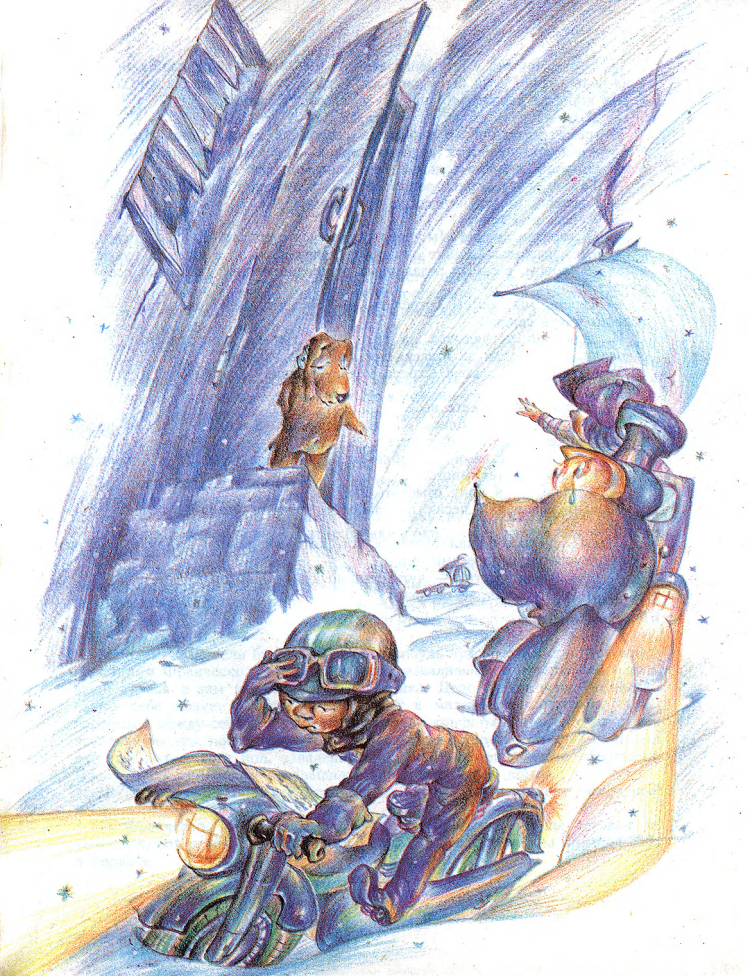
Три марионетки мерзли за троих и так сильно стучали зубами, что в их купе никто не мог уснуть.

— Нельзя ли потише? — ворчали пассажиры. — Разве вы не видите, что мы устали и нуждаемся в отдыхе? Сердца у вас нет!

— Да, у нас нет сердца, — грустно ответили три марионетки.

— Ах, оставьте ваши шутки!

— Это не шутки, у нас действительно нет сердца. Мы сделаны из дерева и из папье-маше. Если бы у нас было сердце, нам не было бы так холодно. Из коробки карандашей наружу выскочил Красный.

— Я позабочусь об этом, — сказал он.

И тремя штрихами он нарисовал сердца на платьях трех марионеток. Получились три чудесных красных сердца. Они были немножко кривые с одной стороны и такие большие, что занимали всю грудь.

— Готово, — удовлетворенно объявил Красный Караидаш.

— Спасибо, — поблагодарили три марионетки.

— Лучше вам теперь?

— О, гораздо лучше! Мы теперь чувствуем тепло на груди, под сердцем.

А через несколько минут они почувствовали тепло в ушах, в руках и в ногах — словом, в самых отдаленных от сердца местах, где холод особенно мучает бедных людей.

— Теперь мы совсем согрелись, — сказали три марионетки. — Как хорошо иметь сердце!

И, довольно поглядывая на грудь, где три больших красных сердца сверкали, как медали за отвагу, они спокойно заснули.

Тем временем Голубая Стрела медленно двинулась вперед. Дорогу паровозу указывал...

— Кнопка! — скажете вы.

Нет, друзья, вы ошиблись. Кнопка не поехал. Кнопка остался на пороге дома Франческо, своего Франческо.

— Я не пойду с вами, — робко сказал он, — я хочу найти Франческо.

— Но ведь их так много!

— Я знаю, но я хочу отыскать нашего.

Верный маленький песик печально смотрел на удалявшуюся Голубую Стрелу.

Перед паровозом ехал Мотоциклист, который держал на руле, как на пюпитре, список с адресами детей.

—частливого пути! — чуть слышно крикнул Кнопка.

Но никто его уже не слышал.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ФРАНЧЕСКО

Бедный Кнопка! Конечно, он не мог знать, где Франческо. Разве только я сказал бы ему это на ухо. Я единственный человек, который это знает, потому что я выдумал эту историю. Я могу отправить Франческо, куда захочу. Могу заставить его спать или бодрствовать, могу посадить его на верхушку самой высокой башни или заставить ехать в автомобиле.

Так где же Франческо?

Лучше сказать вам об этом, и прежде всего я должен признаться, что обманул вас. Это неправда, что я выдумал Франческо. Франческо существует на самом деле; сейчас он уже вырос и, может быть, даже не помнит о своих приключениях в ту новогоднюю ночь. Но я помню, что в то время Франческо было десять лет, он учился в четвертом классе, а после уроков продавал газеты.

Свой маленький заработок Франческо должен был приносить домой. Его отец болел, а мать работала прислужкой у богатых синьоров.

За несколько дней до Нового года отец умер. Франческо и его матери пришлось переехать, потому что их комната стоила слишком дорого. Они погрузили свои скудные пожитки на тележку и отправились на окраину города, туда, где стояли деревянные бараки с окнами без стекол, заклеенными старыми плакатами.

А знаете, почему Кнопка не мог найти следов Франческо? Потому что мальчику пришлось выбросить свои старые башмаки и надеть башмаки отца. Они тоже были старые, но пока еще не совсем развалились. Ноги Франческо так свободно болтались в них, что туда могли поместиться вдобавок ноги обоих его братьев.

Впрочем, даже если бы Кнопка каким-нибудь чудом отыскал в этот вечер новый дом Франческо, этот старый, полуразвалившийся деревянный барак, наши друзья и там не застали бы мальчика. Дело в том, что Франческо нашел себе новую работу. Он поступил в маленький кинотеатр, где в перерывах между сеансами продавал зрителям конфеты. Кинотеатр закрылся довольно поздно, после полуночи, но Франческо оставался там еще на целый час, чтобы подмести пол, заваленный окурками и конфетными обертками. После этого он пешком возвращался через весь город домой.

Понимаете теперь, почему Франческо приходил утром в школу рассеянный и сонный?

— Франческо, — строго говорил иногда учитель, — ты сегодня не умывался, вот почему тебя клонит ко сну. Ступай немедленно приведи себя в порядок.

Франческо вставал и выходил из класса, не глядя на товарищей, которые посмеивались за его спиной.

Он скорее умер бы, чем рассказал им о своих несчастьях. Он был горд! И никто даже не подозревал, что этот худенький и бледный мальчуган с огромным растрепанным чубом содержит на свой заработок всю семью. Ведь сейчас, когда умер отец, мама не могла оставить двух младших братьев на целый день одних и зарабатывала гораздо меньше.

Теперь вы знаете, кто такой Франческо. Но вы еще не знаете, что случилось с ним в новогоднюю ночь.

Окончив работу, Франческо возвращался домой. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука зажала ему рот, а другая обхватила шею. В тот же миг его втащили в подъезд.

Чей-то голос произнес:

— Он маленький, сможет пролезть.

— Сейчас увидим, — шепнул второй голос.

Голоса звучали как-то приглушенно. Когда глаза Франческо немного привыкли к темноте, он увидел, что на незнакомцах были надеты черные маски, закрывавшие нижнюю часть лица. Франческо сразу понял, что это бандиты. Как раз сегодня он видел таких же на экране кино.

Но что хотят от него эти типы?

Один из них все еще зажимал ему рот. Франческо не пытался даже укунить его. Все равно ему одному не справиться с двумя мужчинами.

Один из воров показал Франческо узенькое окошко.

— Видишь?

Франческо кивнул.

— Мы никак не можем открыть дверь магазина. Полезешь в это окошко и ототрешь нам изнутри. Понял? И смотри, не устрой с нами какую-нибудь хитрую шутку, а не то заплатишься за это!

— Лезь, нечего терять время! — прервал второй вор.

Франческо попытался вырваться, но сильный удар кулака посоветовал ему успокоиться. Ничего не оставалось делать, как повиноваться.

Один из воров подхватил его и поднял на высоту окошка.

— Оно слишком узкое, — попытался возражать Франческо. — Я не пролезу.

— Сначала просунь голову. А где пройдет голова, там пролезет и туловище. Быстрее!

Приказание сопровождалось новым ударом, на этот раз по ногам.

Франческо просунул голову в окошко. Внутри было темно. Они сказали, что это магазин. Интересно, какой магазин?

Франческо скользнул вдоль стены и добрался до пола.

Несколько секунд он стоял неподвижно, пока свистящий шепот одного из воров не сдвинул его с места.

— Что ты там делаешь? Шевелись! Дверь направо. Там должен быть засов. Если он не открывается, подойди к шторе и приоткрой ее. Шевелись ты, улитка!

Франческо шагнул вперед и провел рукой по стене. Вот дверь. Он почувствовал пальцами холодный металл засова, нашел рукоятку и уже хотел было открыть дверь, как вдруг его осенила мысль.

«Здесь я в безопасности, — подумал он, — здесь они не поймают меня. Не буду я открывать дверь. Ворам поневоле придется уйти, чтобы на них не наткнулся ночной патруль». Из окошка до него донесся приглушенный голос одного из воров, приказывавший ему поторопиться. Но Франческо не шевельнулся. Он даже улыбнулся.

«Хоть лопните от злости! — говорил он про себя. — Вы не сможете проникнуть сюда. Вы же сами сказали, что не пролезете в окошко».

Но тут другая мысль пришла ему в голову:

«Воры-то уйдут, а как я выйду отсюда? Если я захочу вылезти, меня поймают. Подумают, что я вор. Кто поверит, что воры насильно протолкнули меня в окошко?»

Выход подсказали ему сами воры. Внезапно он услышал, что они осторожно постучали в дверь.

— Открой, — прошептал прерывающийся от злости голос, — открой немедленно, а то хуже будет.

«Стучите, стучите, вас услышат и поймают», — подумал Франческо.

И сразу же его осенила новая мысль: нужно поднять шум, разбудить кого-нибудь, поднять тревогу. Тогда все поймут, что он не был заодно с ворями.

Он пересек комнату, наткаясь в темноте на мебель. Почувствовал пальцами скользкую поверхность витрины, отскочил ручки и открыл окно. Через опущенную штору в комнату ворвался свежий ночной воздух. Франческо закричал и изо всех сил заколотил кулаками по железному листу шторы:

— На помощь! На помощь! Воры! Воры!

Кто-то торопливо побежал по улице. Франческо удвоил силу ударов и продолжал кричать во весь голос.

Раздался свисток, ему ответил другой. Ночные патрули спешили к месту происшествия.

Франческо продолжал стучать по шторе до тех пор, пока не услышал шаги и грозные голоса:

— Эй, там! Стой, стрелять буду! Ни шагу, или умрете!

— К счастью, их забрали, — прошептал Франческо, опускаясь на землю.

Через некоторое время кто-то постучал по шторе.

— Есть кто внутри? Открывайте и выходите наружу, все равно никуда не денетесь.

Франческо поднял штору на несколько сантиметров, и сразу же чья-то сильная рука подняла ее до самого верха.

На пороге появился полицейский с пистолетом в руке. Посреди улицы другие полицейские надевали наручники на воров.

— Да это же ребенок! — воскликнул полицейский, схватив Франческо за плечо.

— Я тут ни при чем! — забормотал Франческо прерывающимся от волнения голосом. — Это они!..

— Ни при чем? А как же ты очутился здесь в такое время? Может быть, ты хотел захватить здесь себе подарок к Новому году?

Франческо оглядел магазин, освещенный карманным фонариком полицейского, и кровь остановилась у него в жилах. Он узнал магазин игрушек,

магазин Голубой Стрелы! Но воры, конечно, лезли сюда не за игрушками, их больше интересовал несгораемый шкаф, который стоял в соседней комнате.

— Я ничего не понимаю...

— Ах, не понимаешь! Может быть, ты пришел сюда во сне? Пойдем живее с нами, нечего ломаться! Объяснишь все в полиции.

Прибыла полицейская машина. Франческо посадили вместе с ворами, которые не замедлили отомстить мальчику: несколько раз они больно стукнули его локтями в грудь.

— Ты тоже не отвертись! — прошипел один из бандитов. — Мы скажем в полиции, что ты был вместе с нами. Даже скажем, что это ты указал нам дорогу.

— Эй, вы, потише, — приказал один из полицейских, — а то я прикажу зашить вам рот!

— Сяньор, — взмолился Франческо, — я не виноват! Я совсем не знаю этих людей, клянусь вам!..

— Ладно, ладно. Помолчи. Подумать только, даже в новогоднюю ночь не дают нам покоя!

— Для нас нет праздников, — ухмыльнулся один из воров. — У нас все дни рабочие.

— Ты, наверно, хотел сказать «ночи», — возразил полицейский. — А сейчас помолчи и оставь свои шутки при себе.

Через полчаса печальный Франческо сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Он хотел рассказать свою историю, объяснить, как было дело, но никто даже не слушал его. Полицейские были убеждены, что Франческо — вор. Один из них даже стал читать ему нравоучения:

— Постыдился бы заниматься этим в твой годы! Спал бы спокойно и видел бы во сне Фею, а ты грабишь магазины в компании с самыми закоренелыми преступниками города! Если бы мой сын сделал то же самое, я оторвал бы ему уши и надавал бы таких пощечин, что он забыл бы и думать о таких вещах!

Франческо молча глотал слезы: они были горькие и соленые.

— Плачешь теперь, как крокодил!..

Другой полицейский был повежливее. Он даже предложил мальчику остатки своего кофе.

Вконец измученный, Франческо прислонил голову к стене и заснул.

МОТОЦИКЛИСТ УКАЗЫВАЕТ
ДОРОГУ

Пока Франческо спит на скамейке в коридоре полицейского участка, склонив голову на грязную каменную стену, у нас есть достаточно времени, чтобы посмотреть, что же случилось с Голубой Стрелой.

Будем надеяться, что ее пассажиры, следуя по указанным в списке адресам, без особых происшествий придут к месту назначения. До рассвета было не так уж далеко. Игрушки боялись опоздать и приехать, когда дети выплчут все свои слезы, не найдя утром подарков Феи.

Мотоциклист несказанно гордился своей новой ролью проводника.

Сидя верхом на седле, крепко держа руками руль, он мчался на полной скорости, бесстрашно преодолевая снежные сугробы, пересекая лужи и падающие на пути дороги. Хитрец оставил открытой выхлопную трубу, и время от времени паровоз Голубой Стрелы окутывался дымом от мотоцикла, что вызывало у Машиниста приступ невероятной злости.

Когда нужно было остановиться, Мотоциклист поднимал руку, и поезд тормозил.

— Мы находимся перед домом Франчески Цепполони. Кто сходит?

Куклы устраивали небольшое совещание:

— Пойду я.

— Нет, я...

— Пойдем вместе, так будет веселее. Кто знает, может быть, эта Франческа — плохая девочка!

И всегда оставались вдвоем, чтобы не было так страшно. Осматривали дом (иногда это был бедный, одноэтажный домишко), перед которым останавливалась Голубая Стрела, просили Мотоциклиста повторить адрес, прощались с товарищами и исчезали в подьезде.

Высадив пассажиров, Мотоциклист нажимал на стартер и отправлялся дальше.

— На следующей остановке живет Паоло ди Паоло, пятилетний мальчик. Предлагаю подарить ему одну из марионеток.

— Одну марионетку? — воскликнули хором три марионетки, которые любовались из окошка панорамой занесенного снегом города. — Это невозможно! Вы, наверно, хотели сказать трех марионеток? Ведь мы не можем разделиться! Тем более, что теперь у нас есть сердце, вернее, три сердца. Для нас расставание было бы втрое тяжелее обычного.

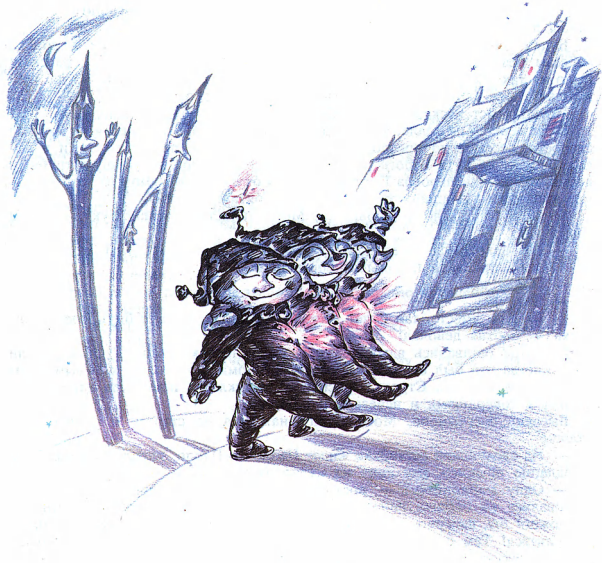
Кончилось тем, что они все втроем слезли с поезда и, подпрыгивая, направились к указанной двери, не обращая внимания на окрики Начальника Станции, которому не хотелось терять сразу трех пассажиров. Шли они, конечно, пешком и одновременно поворачивали головы налево, направо, потом опять налево. И если поворачивалась одна марионетка, то две другие делали то же самое.

— Мальчик будет очень доволен, — говорили они. — С тремя марионетками он сможет играть в театр. А что бы он делал с одной?

— Хорошо, хорошо, тысяча бесхвостых китов, идите — и счастливого пути!

— Спасибо, синьор Капитан!

Поднимаясь по лестнице, они размышляли:

«Мы так будем любить нашего мальчика! Пусть его зовут Паоло, а не Франческо. Мы будем вдвое сильнее любить его, потому что у нас три сердца».

И они горделиво поглядывали на грудь, чтобы убедиться, что их сердца на месте, красные, как вишни, и горячие, как три маленькие печки.

«Если он замерз, мы согреем его», — думали они о Паоло.

Что за странные мысли! Игрушка, которая греет... А впрочем, ведь согревают не одни только печки. На свете есть много вещей, которые согревают: добрые слова, например, и даже три марионетки, подвешенные к ниточке.

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЛАВАНИЕ

На следующей остановке сошел Полубородый Капитан.

Вот как это произошло. Мотоциклист поднял руку, и колонна остановилась.

— Дом Марино* Росси, — объявил он, не заглушая мотора.

— Марино? Есть мальчик, которого зовут Марино? — послышался возглас. — Тысяча китов-моряков! Это как раз по мне.

Вы, конечно, узнали голос Полубородого.

— Если его зовут Марино, то ему должно нравиться море. А если ему нравится море, то он нуждается в корабле. А если ему нужен корабль, то к его услугам самый быстрый и прочный парусник мира. Друзья, помогите мне снять корабль!

Чтобы пройти в дом Марино, нужно было подняться на три ступеньки. Главный Инженер конструктора выстроил наклонный желоб, в желоб поставили корабль, и все вместе втащили корабль на порог.

— Спасибо, остальное я сделаю сам, — заявил Полубородый. — А вы идите по своим домам. Мне не терпится посмотреть, что меня ожидает. Ну, двигайтесь дальше, чего же вы ждете? Тысяча копченых китов, что вы, заснули, что ли?!

Все игрушки высыпали из поезда и грустно глядели на Капитана. Полубородый был дорог всем. Правда, он так ругался все время, но ведь это не со зла: в сущности, он был добрый человек.

— Мы есть все взволнованы, — произнес Серебряное Перо, вынув из рта трубку.

— Взволнованы? Взволнованы? Что такое? Мне незнакомо это слово! И у меня под рукой нет словаря, чтобы посмотреть, что оно означает. А даже если бы у меня был словарь, я совсем не хочу смотреть в него.

Но в действительности он тоже был взволнован, этот старый морской волк, полубородый командир славного парусника.

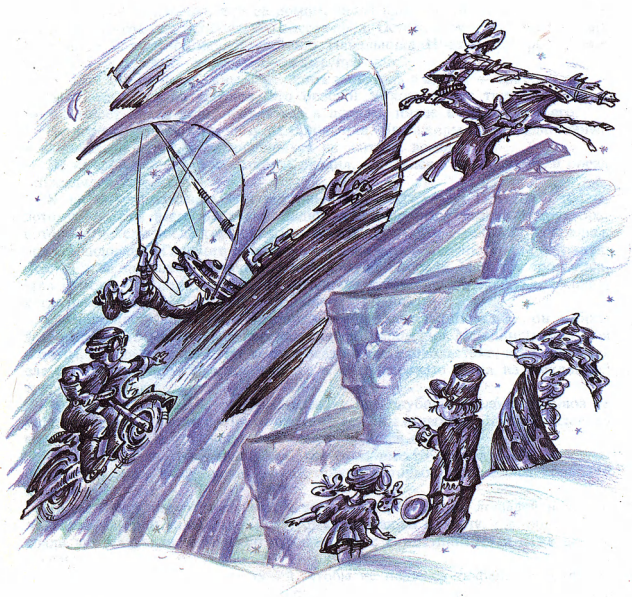
— Мы встретимся, — сказал он, — земля вертится, разве вы не учили географию? Только горы остаются на своих местах, а здесь я не вижу гор.

Но никто не двинулся с места до тех пор, пока он не вошел в дом, таща за собой на цепях свой парусник.

* М а р и н о по-итальянски значит «моряк», «матрос».

Глаза Полубородого привыкли к бурям и тайфунам, и он без труда освоился в комнате, куда попал. Он сразу же заметил то, что ему требовалось: чудесный таз с водой, как раз подходящий для его парусника.

— Таз приготовили, наверно, для умывания? — спросил себя Полубородый Капитан. Оставаясь один, он любил беседовать сам с собой. И сам же себе ответил: — Конечно. Хочу посмотреть, что за лицо будет утром у нашего Марино, когда он прибежит сюда умываться. Могу спорить, что он еще будет совсем сонный. Глаза у него будут слипаться, и сначала он ничего не заметит. Сунет руки в таз и наткнется на паруса моего трехмачтовика или же зацепится рукой за верхний мостик. Уж тогда-то он откроет глаза.

В этот момент я отдам ему честь и скажу: «Я Капитан Полубородый, мой флот ждет ваших приказаний».

Бормоча таким образом, Капитан с помощью скамеек, щепок, якорных цепей и так далее поставил свой трехмачтовик в таз, и тот мирно закачался в нем.

— Наконец-то мы на воде! — удовлетворенно воскликнул Полубородый. — Ночь ясная, снег падать перестал, время муссонов еще не наступило, на горизонте нет ни акул, ни пиратов, в ожидании рассвета можно будет немножко вздремнуть.

Так он и сделал.

А при его пробуждении все произошло так, как он мечтал.

ЧУДЕСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОБКИ КАРАНДАШЕЙ

Так, дверь за дверью, дом за домом, таяла наша колонна. Целые вагоны Голубой Стрелы уже остались без пассажиров. Оставшиеся бродили из вагона в вагон, к большому неудовольствию Начальника Поезда, который хотел заставить их уважать железнодорожные правила.

— Пассажиры не должны переходить из вагона в вагон, — говорил он. — Не высовывайтесь из вагонов, это опасно! У кого билет третьего класса, тот не имеет права даже появляться в первом, иначе я оштрафую его.

Но все его усилия ни к чему не приводили. Пассажиры были беспокойные и напоминали детей, возвращавшихся из лагерей домой.

На каждой остановке кто-нибудь сходил, попрощался с остальными, и поезд отправлялся дальше.

Я не могу рассказать вам историю всех пассажиров Голубой Стрелы, потому что сам всего не знаю. Знаю, например, что части конструктора, которые уцелели после крушения моста через лужу (вы помните?), собрались под командование Главного Инженера и в одно мгновение построили ветряную мельницу на подушке у мальчика, к которому они попали. Мальчик проснулся, стал крутить рукоятку, и крылья мельницы завертелись в воздухе, ожидая, когда какой-нибудь Дон Кихот набросится на них.

Мотоциклисту надоел его мотоцикл, и он решил остановиться: он выбрал дом маленького механика и передал список с адресами Машинисту Голубой Стрелы, который отныне мог вести поезд в свое удовольствие, а не тащиться еле-еле за собачьим хвостом или же в облаке синего дыма из выхлопной трубы мотоцикла.

Индейцы и ковбои с трудом попевали за Голубой Стрелой. Паровоз не устает никогда, но кони время от времени должны отдыхать. Лошади индейцев еще могли скакать по снегу, но лошади ковбоев сдали.

И вот караван прибыл к дому, где окна вместо стекол были затянuty обрывками газет и журналов, на картинках которых красовались ковбои и индейцы.

Наши герои почувствовали себя дома. Они расседлали лошадей и расположились лагерем на соломенном тюфяке, лежащем на полу, где, обнявшись, спали два мальчика, немножко чумазые, но с симпатичными и даже во сне веселыми лицами.

Они не зажгли походных огней, чтобы не поджечь тюфяк, но натянули свои палатки, привязали лошадей и преспокойно расположились спать. Только

Серебряное Перо не заснул. Великие индейские вожди никогда не спят. Днем и ночью они курят свои трубки и думают. А о чем думают — неизвестно, потому что говорят они мало, из десяти мыслей расскажут кое-что об одной, а остальные девять остаются в секрете. Поэтому они становятся такими мудрыми. Есть индейская пословица, которая гласит: «Тот, кто молчит, знает в два раза больше, чем болтун».

В поезде остались только Начальник Станции, Начальник Поезда, Машинист и карандаши, которые вылезли из коробки, и каждый занял себе отдельное купе. Таким образом, они не мешали друг другу, потому что, как вы знаете, у карандашей очень длинные ноги и они любят простор.

В списке адресов осталось только два имени: Франко и Роберто.

У дома Франко слезли карандаши, на долю которых, могу вам признаться, выпали самые комические приключения. Франко не спал: он растянулся в своей кроватке и, положив руки под голову, смотрел, как карандаши один за другим пролезали в замочную скважину и с легким стуком падали на пол.

— Привет! — весело сказал Франко.

— Привет! — моментально ответили карандаши.

А Желтый, который любил посмеяться по любому поводу, сразу же добавил:

— Почему ты не спишь? Это неправильно! В новогоднюю ночь дети должны спать.

— Я это знаю, но...

— Правда, мы добрались до тебя сами, а не на метле Феи, но это не оправдание. Ты ничего не должен знать об этом.

— Но я...

Голубой прервал Желтого, который хотел было продолжить свою проповедь, и заметил:

— Но в конце концов, что за беда, если он не спит? Это даже лучше: мы можем сразу же подружиться.

— Я тоже такого мнения, — пропищал Красный, который был самый веселый из всех.

— Что касается меня, то я согласен с Желтым, — сказал Зеленый, — тем более, что он мой двоюродный брат.

Ах да, я же вам еще не рассказал историю этого родства. Это довольно сложная история. Зеленый был двоюродным братом Желтого и Голубого, Оранжевый — двоюродным братом Желтого и Красного, Лиловый — Красного и Голубого, и, кроме того, между ними было еще множество родственных связей, сложных, как и все родства на этой земле.

— Ну, хватит! — примирительно воскликнул Франко. — Вижу, что вы начинаете ссориться. А я-то думал, что цвета всегда живут в мире между собой.

— Ты ошибаешься, — изрек Желтый. — Разве ты никогда не слышал о контрастах в цветах? Однако ты еще не объяснил нам, почему не спишь.

— Просто потому, что сон никак не приходит.

— Это признак того, что ты был плохим мальчиком. Не могут спать только те дети, у которых совесть нечиста.

— Совесть у меня чиста, но пуст желудок, потому что мне нечего было есть на ужин.

— Видите! — торжествуяще воскликнул Голубой. — Я сразу же сказал, что он хороший мальчик!

— Наоборот, — возразил Зеленый, — раз его оставили без ужина, значит, он плохой мальчик.

— Нет, — объявил Франко, — это значит, что у нас в буфете пусто. Мама поскорее уложила меня спать, надеясь, что сон прогонит голод, а получилось наоборот: голод прогнал сон. Но я не жалею: мне так интересно было видеть, как вы пролезали в замочную скважину. Вы знаете, я до сих пор еще ни разу не получал подарка от Феи. А вы для меня самый лучший подарок, который только я мог получить. Представьте себе, я хочу стать художником.

Франко говорил так ласково, что карандаши, подпрыгивая, приблизились к нему, довольные, что они пришлось по душе мальчику. Для типов вроде Желтого и Зеленого достаточно одного доброго слова, и они сразу же прекращают ссориться и становятся очень хорошими.

— Если хочешь стать художником, — сказал Коричневый, самый спокойный из всех цветов, — я советую тебе рисовать сцены из деревенской жизни. Можешь для этого использовать меня.

— А для меня все равно, из какой жизни, — произнес Голубой. — На любой картине всегда найдется место для кусочка неба.

— Ребята! — воскликнул Красный, которому всегда хотелось предложить что-то новое. — Зачем терять время на болтовню? У меня появилась идея.

— Слушаем.

— Раз уж Франко не спит, давайте развлекать его. Нарисуем для него что-нибудь?

— Чудесно! Что за хорошая мысль! — обрадовался Франко. — Посмотрите на столе: там должно лежать несколько листов чистой бумаги. Конечно, это не чудесные белые листы из альбома: в эту бумагу лавочник заворачивал кофе, но я собираю ее для рисования.

— Начну я, — торжественно произнес Черный.

Он положил листок бумаги на ночной столик, стоявший рядом с кроватью Франко, и запрыгал по листу. На бумаге появился ствол и ветви дерева.

Франко захлопал в ладоши, но Желтый наморщил нос (я не знаю точно, где находится у карандаша нос, но подтверждаю тот факт, что Желтый наморщил нос).

— Этот рисунок не по сезону, — произнес он. — Всем известно, что зимой на ветвях нет листьев. В лучшем случае сохраняется несколько желтых листьев...

— А ты забыл про сосны и ели, которые никогда не теряют листву?

— У меня есть еще одна замечательная идея, — объявил Голубой.

Он взял листок, начертил на нем причудливую линию, и через несколько минут чудесная Голубая Корова, вежливо мыча и позвякивая висевшим на шее голубым колокольчиком, поднялась с листа и застучала копытцами по столу.

— Замечательно! — воскликнул Франко. — Если бы я тоже мог рисовать живые вещи! Мои рисунки всегда остаются на бумаге и никогда не сходят с нее.

— Мууу! — жалобно замычала Голубая Корова.

— Может быть, у нее накопилось много молока? — сказал Франко. — Когда коровы жалуются, их обязательно нужно доить. Но я не умею.

На помощь пришел Коричневый, который был деревенским цветом и умел доить коров.

Молоко Голубой Коровы было чудесного голубого цвета.

— Такого молока я никогда не видел, — засмеялся Франко.

— Это Голубой виноват, — ответил Желтый. — Он все хотел сделать сам. Все ведь знают, что молоко бывает желтое.

— Желтое! Что ты там рассказываешь?

— Ах, довольно спорить, — сказал Красный, — теперь моя очередь.

И он со скоростью балерины запрыгал по листу бумаги, распространяя вокруг невероятное веселье. Еще ничего не было готово, но можно было поручиться, что рисунок получится очень смешной.

— Готово! — прыснув со смеху, объяснил Красный.

Знаете, что он нарисовал? Человечка, который каким-то чудом не рассыпался, хотя и был весь сделан из отдельных кусков. Руки не соединились с плечами, ноги с туловищем, нос с лицом, а голова с шеей.

— Да здравствует Человечек из кусочков! — закричал Франко.

Человечек попытался подняться с листа и сразу же потерял одну ногу.

Он нагнулся и с большим трудом поставил ее на место, но тут же у него отскочила рука.

— Я потерял руку! Где моя рука?

Он опустился на колени в поисках, а голова тем временем скатилась с его плеч, как мячик. Голова катилась по полу, но не переставала кричать и жаловаться.

— На помощь! На помощи! Я не виноват, зачем вы хотите отрубить мне голову?

У Франко от смеха на глазах выступили слезы.

— Не бойся! — ободрял он, стараясь сложить кусочки вместе. — Ну вот, теперь все в порядке, покажи, как ты умеешь ходить.

Это было легко сказать, но не легко выполнить. Человечек из кусочков не успел сделать и двух шагов, как потерял половину левой ноги и правую руку. Бедняжка зашатался и рухнул на землю.

Каждый из карандашей что-то рисовал: фигурки, как только их кончали рисовать, поднимались с бумаги, с любопытством оглядывались по сторонам. Голубой нарисовал лодочку с моряком. Моряк принял молоко Голубой Коровы за море и принялся плавать в нем.

Внезапно послышался чей-то голосок:

— Эй! Эй, вы!

— Кто это? — спросил Желтый, который знал все обязанности, включая обязанности часового.

— Э-э-э, не поднимай такой шум, дружище! Я бедная голодная Мышь и думаю, что кому-то из вас придется пожертвовать собой, чтобы я могла поужинать. Мне всегда нравились карандаши, простые или цветные, все равно.

Карандаши поспешно столпились около Франко, который поднял руку, чтобы защитить их.

— Синьора Мышь, если вы думаете утолить голод за счет моих друзей, то предупреждаю вас, вы ошиблись адресом.

— В этом доме невозможно жить, — проворчала Мышь, оскалив зубы. — Нет ни корки сыра, ни яйца, ни бутылки масла, чтобы я могла окунуть хвост и облизать его, ни мешка с мукой или зерном, чтобы я могла прогрызть его. За последнюю неделю я потеряла половину веса.

— Мне очень жаль, — ответил Франко, — но я тоже лег спать без ужина, и это не в первый раз. Ничем не могу помочь тебе: мои карандаши не для твоих зубов.

— Прикажи им, пусть они хоть нарисуют для меня что-нибудь съедобное! — взмолилась Мышь. — Я видела, какие они чудесные мастера.

— Против этого я ничего не имею.

— Об этом позабочусь я, — предложил Желтый.

И в одно мгновение он нарисовал ломтик сыра с дырочками и слезою, который вызвал бы аппетит даже у индийского факира.

— Большое спасибо! — воскликнула Мышь, облизывая усы.

Никто даже не успел заметить, как сыр исчез в ее пасти.

— Чудо что за аппетит, — сказал Красный. — Но подожди, сейчас я тебя накормлю.

Он взял чистый лист и нарисовал на нем круг.

— Это, наверно, голландский сыр, — сказала Мышь. — Однажды я наелась его вволю. У него была такая же красная корочка.

— Подожди, я еще не закончил.

Красный нарисовал рядом с первым кругом кружок поменьше и некоторое время выводил какие-то странные палочки и закорючки.

— Странно, — заметила Мышь, — никогда не видела голландского сыра с такими большими дырками. Над этим сыром, наверно, потрудились целая мышиная семья. А теперь отойдите, пожалуйста, в сторону.

— И-и, какая спешка, — усмехнулся Красный, — да я еще только начал. Я хочу приготовить такое блюдо, что ты запомнишь его на всю жизнь.

И, продолжая рисовать, приделал к своей странной фигурке какое-то подобие хвоста, который Мышь приняла за сосиску.

— Сосиска? Это неплохая идея. Даже не помню, когда я ела ее последний раз. А может быть, и совсем не ела, а просто представляю ее себе по рассказам моего отца, который жил в лавке одного колбасника. Но теперь отойдите, пожалуйста, в сторону и позвольте отведать этот чудесный сыр, а то как бы мне не захлебнуться от слюны.

— Одну минуточку, — сказал Красный и в последний раз коснулся листа бумаги.

Мышь беспокойно смотрела на ожившую фигуру, которая лениво поднималась с бумаги.

— Но ведь это... Что за шутки?.. Ай, на помощь! Мама!

И Мышь бросилась прочь с такой быстротой, что потеряла хвост. Красный весело рассмеялся. Что же он нарисовал? Красного Кота, друга мой. Огромного Кота, который облизал усы и сразу же принялся точить когти. К счастью для Мыши, Кот был немножко ленив и слишком долго раскачивался, иначе несдобровать бы ей.

Кот нежно замурлыкал и стал тереться о руку Франко, чтобы тот приласкал его.

Для Франко это была незабываемая ночь. Карандаши по очереди показывали ему свое искусство. Например, они нарисовали столько флажков, что разукрасили комнату, как в день национального праздника.

Они нарисовали трехцветный флаг, красный флаг, немного поспорили, потому что каждый хотел, чтобы его флаг был самый лучший, потом помирились, и все вместе нарисовали шестицветный флаг.

— Ну вот, на флаге есть цвет каждого из нас: никому не обидно. Теперь-то уж мы не будем ссориться.

Затем Черного осенила блестящая идея, так не соответствующая его отнюдь не блестящему виду. Но так уж случилось, и я должен рассказать вам об этом.

Черный нарисовал телефон, маленький, как игрушечный, но совсем настоящий: с трубкой, с диском для номеров, с проводами и со звонком, который сразу же зазвонил.

— Отвечай скорее, — сказал Черный.

— Но я не знаю, как это делать, я никогда в жизни не разговаривал по телефону, — ответил Франко.

— Смелее, ты только должен сказать «алло» и слушать.

Франко взял трубку, приложил ее к уху и сказал:

— Алло!

— Алло! — ответил бас, выходящий, казалось, из глубокого подземелья. — Кто говорит?

— Я, Франко. А вы кто?

— Я телефонный Маг. Могу сделать так, что ты будешь говорить с кем угодно.

— Так поздно? В это время люди спят, и если я разбужу их, чтобы только поболтать, кто знает, какие проклятия посыплются на мою голову.

— Не все спят, дорогой Франко. Вот ты, например, не спишь.

— Но я не сплю потому, что не поужинал.

— Думаешь, ты один такой? Вот поговори-ка...

— Алло! — произнес дрожащий голос.

— Кто говорит? Я Франко.

— Доброй ночи, Франко. А я старушка, живу на последнем этаже.

— А почему ты не спишь, бабушка?

— Мальчик мой, старики спят мало. Кроме того, сказать тебе по правде, пошла я сегодня посмотреть, нет ли у меня в шкафу чего-нибудь съедобного... Ты же знаешь, у стариков мало денег...

— Нашли вы что-нибудь?

— Что ты! Там лежала когда-то корочка сыра, но ее, очевидно, съел кот. Мне ничего не оставалось делать, как снова лечь в постель.

— А если вы не заснете?

— Что же делать!.. У меня есть о чем подумать. Я вспоминаю о моих сыновьях, которые бродят по миру в поисках работы. Может быть, кто-нибудь разбогатеет или же заработает столько, что сможет прислать мне много денег... Не так ли?

— От всей души желаю вам этого, бабушка.

— Спасибо, Франко! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, бабушка!

Франко положил трубку, но сразу же раздался звонок.

— Алло! Ну как, поговорил?

Это звонил телефонный Маг.

— Да. Мне так жаль эту бедную старушку!

— Поговори сейчас еще с одним человеком.

— Алло! Кто говорит?

— Франко.

— А, Франко! Я не знаю тебя, но это неважно. Я все равно не сплю.

— У вас какая-нибудь неприятность?

— Нет, никаких неприятностей. Я студент, и мне некогда огорчаться, мне нужно учить уроки.

— Значит, вы не спите, потому что занимаетесь?

— Сказать тебе по правде, я не занимался. Открытая книга лежит передо мной на подушке, но я даже не различаю слов, они прыгают у меня перед глазами, как балерины. Это все ужин виноват.

— Вы неважно покушали?

— Я совсем не ел. Пять минут тому назад я встал и пошел в столовую к моей хозяйке. Ты лучше не говори мне, что красть плохо, я это сам знаю. Но мне так хотелось хоть что-нибудь пожевать: кусок хлеба, яблоко — что угодно. Свет в кухне я не зажигал, чтобы не разбудить хозяйку, тем более что я на память знаю, где какая мебель стоит. На цыпочках я подошел к буфету, открыл дверцу, осторожно, чтобы ничего не опрокинуть, протянул руку... Палец попал во что-то мягкое. Что это такое? На ощупь мне показалось, что это мармелад. Я сунул палец в рот. Знаешь, что это было? Томат, томат из помидоров. Я съел полбанки этого томата и сейчас умираю от жажды.

— Я не люблю томат из помидоров, — сказал Франко.

— Дорогой дружище, я тоже не люблю его! Меня просто тошнит от томата! Но ведь больше ничего не было. А теперь до свидания. Звони мне завтра ночью, если не будешь спать. Мы поболтаем немножко.

Франко еще некоторое время говорил по телефону. Сколько людей не могло спать! Больные, которым боль даже ночью не давала отдохнуть. Мальчики вроде него, которые легли спать без ужина. Старики, которых одолевали грустные мысли, а всем известно, что грустные мысли прогоняют сон. Были еще люди, которые работали по ночам: рабочие у доменных печей и на электростанциях, ночные сторожа, пекари, пекущие хлеб ночью, чтобы он был свежим к утру.

«А ведь ночью город кажется вымершим», — думал Франко.

Карандаши прицепились к телефонному проводу, чтобы подслушать разговоры, но вскоре утомились и заснули.

Франко осторожно, боясь разбудить, собрал их в коробку, закрыл ее и положил под подушку, чтобы коробку не отыскала Мышь, если она отважится выйти из своей норы.

Нарисованные карандашами фигурки одна за другой вернулись на свои листы, и в комнате стало тихо. Франко выключил свет и некоторое время лежал с открытыми глазами. Он ничего не видел, но ему казалось, что

комната полна народом. Здесь были все те, с кем он разговаривал по телефону, и они пришли, думал Франко, чтобы составить ему компанию.

Наконец он заснул и спал спокойно до самого утра.

Его мама встала пораньше, чтобы приготовить на кухне ячменный кофе (настоящий кофе стоит так дорого!). Она прошла через комнату Франко и увидела на столике листы бумаги с чудесными рисунками. Мама нежно посмотрела на сына и улыбнулась.

«Мой мальчик станет художником, — подумала она про себя. — Пойду на любые жертвы, лишь бы он у меня учился. Грех погибнуть такому таланту!»

Она ласково провела рукой по взлохмаченным волосам сына, который шевельнулся во сне, и прошла в кухню.

Мне жаль, что я не могу рассказать вам историю Франко. Будет ли он художником, или ему придется делать работу, которая ему не нравится, лишь бы только зарабатывать себе на жизнь?

Кто знает!.. Не все делают то, что хотят. Я знал одного дворника, который хотел быть музыкантом.

— Мне так хотелось бы научиться играть на скрипке, — рассказывал он мне. — А на самом деле вот какой инструмент приходится держать в руках...

И он показал мне свою метлу.

Пожелаем счастья и успехов Франко и проследим за приключениями Голубой Стрелы.

БУДКА № 27

Голубая Стрела мчалась сквозь тьму по последнему адресу. Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции собрались на паровозе. Все вагоны поезда были пусты.

Снег, наконец, перестал. Холодный ветер разогнал облака, и на огромном небе, как в черном зеркале, засверкали звезды.

Но блеск их становился все более тусклым: близился рассвет. Первые трамваи уже вышли из парка и медленно двинулись по покрытым снегом рельсам. Машинисту приходилось внимательно смотреть по сторонам, чтобы какое-нибудь из огромных чудовищ не раздавило поезд.

— Самая безопасная дорога, — сказал Начальник Поезда, — это тротуар.

— Но это будет нарушением правил, — возразил Начальник Станции. — Никогда ни один уважающий себя паровоз не поднимется на тротуар.

— Мы можем ехать между двумя рельсами, — сказал Машинист. — Я высчитал, что трамвай пройдет над нами и не заденет нас.

Трамвай проходил над Голубой Стрелой, даже не касаясь ее. Трех железнодорожникам вагоны казались огромными грохочущими тоннелями, которые двигались. Сначала экипаж Голубой Стрелы немножко волновался, но затем все привыкли и успокоились.

Дом Роберто, последнего мальчика, который остался без подарков, находился за городом, в поле. Так, по крайней мере, было написано в списке. А сейчас посмотрим, правду ли говорил список.

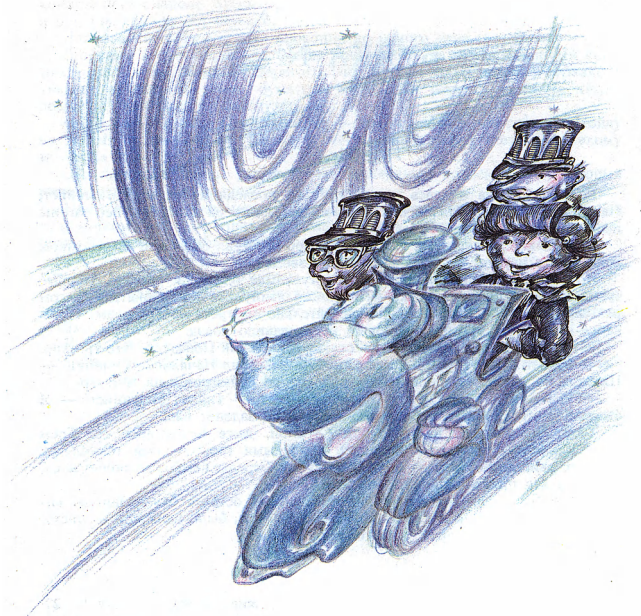
* * *

Дом Роберто — это не дом, а железнодорожная будка — будка № 27.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции не верили своим глазам. Список привел их прямехонько к настоящей железной дороге.

В окошке маленькой будки горел свет. Обходчик не спал. Он выходил к каждому проходящему поезду, сигналил ему, покачивая своим фонарем, потом отряхивал от снега ноги и скрывался в будке. Перед будкой, вправо и влево, как две стальные змеи, вытянулись бесконечные рельсы.

Что это были за рельсы! Железнодорожники Голубой Стрелы даже во сне таких не видели. А поезда? Земля начинала дрожать, когда их не было еще видно. Потом, как ураган, нарастал, приближался страшный грохот, приходилось затыкать уши, чтобы не оглохнуть. Три наших маленьких железнодорожника боялись за свои головы, которые, казалось, готовы были лопнуть от шума.

И вот появлялся поезд, огромный, как город на колесах: вагоны были величиной с дом, с сотнями освещенных окошек. Когда поезд проходил, три наших героя долго не могли прийти в себя. Хотя они плотно закрывали уши, грохот наполнял их головы и не хотел выходить оттуда. Им приходилось трясти головой и совать палец в уши, как делают пловцы, когда хотят, чтоб из ушей вытекла вода. И тогда, наконец, они снова могли слышать.

— Что вы скажете?! — воскликнул Начальник Поезда, глаза которого сверкали от страха и восторга. — Вот это поезд!

— Да! — кричал Машинист. — Никогда в жизни не видел такой красоты!

— Ребята, нам подвезло! — кричал, в свою очередь, Начальник Стан-

ции. — Роберто, наверно, сын стрелочника. Мы будем жить здесь и ежедневно видеть сотни поездов!

— Ну что ж, войдем? — спросил Машинист, приготовившись запустить мотор.

— Давайте немножко подождем, — предложил Начальник Станции. — Может быть, пройдет еще один поезд.

Недалеко от будки возвышался плетень. Они укрыли за ним Голубую Стрелу, а сами присели на ветку какого-то кустарника в ожидании проходящего поезда.

Не прошло и нескольких минут, как волной пронесся глухой шум, загрохотал сильнее грома и вдруг так же внезапно смолк.

— Это не поезд! — воскликнул Начальник Станции.

Дверь будки открылась, на пороге появился обходчик. Он поднял фонарь на уровень лица и огляделся. Похоже было, что он чем-то встревожен.

— Роберто! — позвал он. — Роберто!

В окошке показалось заспанное лицо мальчугана.

— Одевайся скорее, наверно, что-то случилось. Это, может быть, обвал или оползень.

— Иду! — поспешно ответил мальчик.

Окно затворилось с сухим стуком. Через мгновение появился Роберто. Он одевался на ходу. В его руке раскачивался такой же фонарь, как у отца.

— Возьми один из флажков, — приказал отец, — и пойдй осмотри рельсы слева, а я погляжу с другой стороны. Если заметишь что-нибудь на рельсах, беги скорее ко мне. Осталось десять минут до прихода скорого.

Отец побежал направо. Роберто схватил красный флажок, стоявший у двери, и побежал в противоположную сторону. Ноги его по колено проваливались в снег, но он не замечал этого.

— Скорее, скорее! — шептал мальчик. — Через десять минут пройдет скорый. Вдруг произойдет крушение?..

Через сотню метров он наткнулся на огромную кучу снега и камней, рухнувших с холма на рельсы. Если поезд наткнется на обвал, непременно произойдет крушение. Роберто почувствовал, как у него задрожали ноги. Ведь ему было всего одиннадцать лет. Ему показалось, что он слышит вдали шум приближающегося поезда. Он представил себе, как стальное чудовище наткнется на эти камни и вагоны полетят кувырком; ему казалось, что он уже слышит стоны раненых из-под дымящихся обломков вагонов.

Роберто вздрогнул, повернулся и побежал к будке, бессвязно выкрикивая какие-то слова. Вдруг он поскользнулся и упал в снег, быстро вскочил, снова упал и сильно ударился коленом об рельс. Крик боли вырвался у него из груди, он попытался подняться, но не смог.

Тогда мальчик изо всех сил принял завать отца. Но отец не мог слышать его: с той стороны с нарастающим глухим шумом приближался скорый.

Силы покинули Роберто. Поезд мчался уже в двухстах метрах от него. Он поднялся из последних сил и, стиснув зубы от нестерпимой боли, отчаянно замахал красным флажком, который не выронил при падении

— Стой! Стой! — кричал он.

Грохот поезда заглушал его голос. Паровоз мчался вперед на полной скорости, его сверкающие фары надвигались все ближе и ближе. Вот он уже в ста метрах от Роберто, в пятидесяти...

Внезапно заскрипели тормоза, поезд резко замедлил ход и остановился в двух шагах от Роберто.

Машинист соскочил с паровоза и бросился навстречу мальчику.

— В чем дело? Что случилось?

— Обвал, — прошептал Роберто, — там обвал... — И потерял сознание. Ему казалось, что он погрузился в мягкий снег, который был почему-то мокрым и горячим. Больше он ничего не слышал.

Через некоторое время мальчик очнулся в своей кровати.

— Обвал, — прошептал он, — обвал...

— Тише, тише, — ласково произнес незнакомый голос. — Опасности нет.

Роберто с трудом открыл глаза.

Комната была полна народу. Какой-то синьор в золотых очках склонился над ним и щупал его пульс. Это был доктор, ехавший в скором поезде, его позвали на помощь к мальчику.

— Папа, — едва слышно прошептал Роберто.

— Я здесь, мой мальчик.

Собравшиеся в комнате люди затаив дыхание следили за мальчиком. Когда он очнулся, все облегченно вздохнули и разом заговорили.

— Какой молодец, — говорили они, — ты спас жизнь сотням людей!

— Если бы не ты, весь состав полетел бы под откос. Ты храбрый мальчуган, — глядя Роберто по голове, произнес какой-то железнодорожник.

Это был начальник поезда. Роберто улыбнулся ему, но сразу же поморщился: он почувствовал резкую боль в коленке.

— Тебе больно? — спросил доктор. — Ничего, все быстро заживет. А если бы ты потерял сознание минутой раньше, произошло бы крушение. Ты крепкий, храбрый мальчуган.

Роберто больше не чувствовал боли, так ему было приятно слышать все это.

Через два часа путь расчистили, и поезд отправился дальше.

Роберто и его отец остались одни.

И только тогда они заметили, что в комнате находится еще кто-то. Кто-то или что-то? Это была Голубая Стрела, которая в царившей суматохе незаметно пробралась в комнату. Экипаж Голубой Стрелы с волнением следил за всем случившимся. Они заняли свои места, серьезные и молчаливые, как и подобает настоящим железнодорожникам, но сердца их были полны нежности и любви к мальчику, спасшему поезд.

— Посмотри! — воскликнул отец. — Что это?

— Это электрический поезд, папа! Электрический поезд! Какой он чудесный! Я не говорил тебе, но мне так хотелось иметь его. Посмотри, какой он красивый. А на платформах нагружены рельсы... Могу спорить, что если проложить их, они опояшут всю комнату!

— Но это не я купил его, — смущенно сказал отец. — Я вижу этот поезд впервые в моей жизни...

Роберто недоверчиво посмотрел на него.

— Ладно, папа, не разыгрывай меня... Ты хотел подарить мне его утром на Новый год, но я встал раньше и увидел его. Правда? Так ведь было дело?

— Нет, нет, маленький, уверяю тебя, что ты ошибаешься. Знаешь, что мне пришло в голову: наверно, кто-нибудь из пассажиров скорого поезда вез его в подарок своим детям и решил оставить тебе, потому что ты уже сделал самый лучший подарок его ребятам: спас жизнь их папы. Конечно, это так и было. Видишь, какой прекрасный поезд? Я никогда не смог бы купить тебе такой...

Роберто улыбнулся.

— Пусть будет так, — сказал он. — Предположим, что этот поезд оставил мне какой-то синьор, ехавший на скором.

Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции Голубой Стрелы слышали весь этот разговор и знали, что в действительности было совсем не так. Но они скорее дали бы отрезать себе язык, чем открыли бы свою тайну. У каждого есть своя гордость, не так ли? А впрочем, разве кто-нибудь слышал, чтобы Машинист, Начальник Поезда и Начальник Станции игрушечного поезда могли разговаривать? Одно дело — в сказках, и совсем другое — в настоящей жизни. Голубая Стрела еще несколько страниц назад находилась в сказке. Сейчас же она вошла в настоящий дом, где настоящий мальчик совершил настоящий подвиг. Три маленьких игрушечных железнодорожника теперь знают, что не даром проделали они такой путь и приехали к Роберто, в маленькую будку около самой линии железной дороги. Ручаюсь, что если бы им пришлось повторить весь этот путь и пережить снова все их опасные приключения, они не колебались бы ни минуты.

Роберто нежно погладил замечательную игрушку, и ему показалось, что он дрожит под его рукой, но потом он подумал: «Какой я глупый! Это дрожит моя рука».

ФРАНЧЕСКО ЕДЕТ В КОЛЯСКЕ

Где же мы оставили других героев нашей истории?

Кнопка, бедный, верный щенок, все еще лежал на пороге пустого дома, откуда исчез Франческо. Было холодно, хотя снег уже перестал падать. Хвост у Кнопки замерз и стал как сосулька, но он не уходил со своего поста.

А Франческо? Франческо все еще сидел на скамейке в коридоре полицейского участка.

Неважная подушка — кирпичная стена! Но Франческо все-таки уснул, да так крепко, что ничего не видел во сне.

Бедная старушка Фея все еще разносила подарки. Руки у нее замерзли, но она не могла, конечно, оставить свою работу. Старая служанка была с ней: в полночь Фея на минутку вернулась домой выпить чашку кофе и нашла там верную Терезу.

Кто знает, может быть, мы еще встретимся с ними, прежде чем кончится наша история. А сейчас давайте отыщем ночного сторожа. Того самого сторожа, который подобрал и починил Канарейку.

Клетка с Канарейкой висела на руле его велосипеда, и, когда ему нужно было поворачивать, вместо резкого звонка раздавалась нежная трель Канарейки. Но вот сторож остановился и прислонил велосипед к стенке магазинчика Феи, а сам стал ходить взад-вперед, топая ногами, чтобы согреться. Нам ничего не остается делать, как влезть в его голову и посмотреть, что он думает.

«Надеюсь, что синьора скоро придет, — думал ночной сторож, — а то у меня отмерзнут ноги».

Итак, ночной сторож ожидал Фею. Может быть, он хотел вернуть ей Канарейку? Нет, нет, дело касалось не Канарейки, а Франческо.

Видите ли, ночной сторож был знаком с Франческо. Много раз он встречал его, когда мальчик возвращался со своей работы из кинотеатра, и немного провожал его домой.

— Почему ты не едешь на трамвае? — спрашивал ночной сторож.

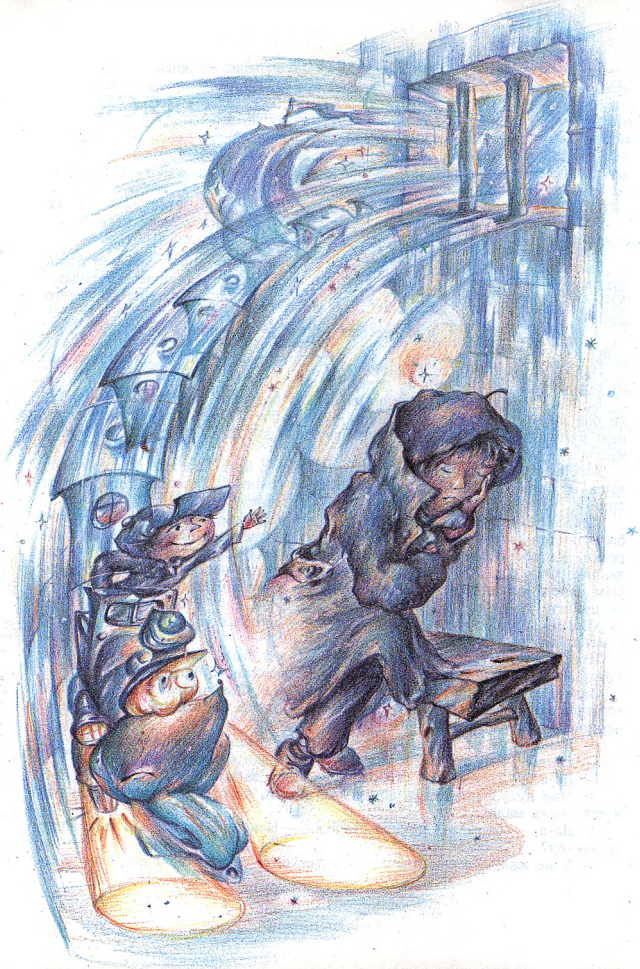
— Потому, что это очень дорого, — отвечал Франческо.

— Да-а, — соглашался сторож, почесывая затылок.

— Мне нужно приносить домой все деньги, которые я зарабатываю. Их и так очень мало...

— Да-а, — бормотал ночной сторож. — Невесело работать в твои годы, не так ли?

— Я не жалуясь, — отвечал Франческо, — я даже доволен этим. Ведь

я уже работаю, как большой. Правда, у меня нет времени поиграть, да и игрушек у меня нет и никогда не было...

— Конечно, — говорил ночной сторож, — конечно.

Мальчик болтал, мужчина слушал. Он любил этого мальчика, который уже работал, как взрослый, и один ночью ходил пешком через весь город, зажав в кулачке свой жалкий заработок.

Ночной сторож видел, как арестовали воров, и, к своему удивлению, увидел среди них Франческо, на которого тоже надели наручники и, как преступника, отвезли в полицию.

«Я не верю этому, — сразу же подумал ночной сторож, — этот мальчик не может быть вором. Я знаю его, как своего сына».

Он побежал в полицию, но его выгнали оттуда.

— Думай о своей работе, — сказали ему полицейские, — а о ворах позаботимся мы. Иди-ка лучше сторожить, не то, пока ты болтаешь тут, вору успеют ограбить все магазины города. Этот мальчик твой родственник?

— Нет, он мне не родственник, но...

— Тогда не мешай. Мы сами разберемся. Знаем мы этих ворюшек!

Огорченный ночной сторож вернулся к своей работе. Внезапно ему пришла в голову мысль, что в этом деле может помочь хозяйка магазина.

«Синьора, — скажет он ей, — в полиции меня не хотят слушать. В самую новогоднюю ночь бедного мальчика бросили в тюрьму, как вора. Почему бы вам не пойти вместе со мной в полицию и не освободить его? Достаточно будет, если вы скажете, что ничего не украдено, что знаете этого мальчика. Сделайте что-нибудь для него. Может быть, с вами полиция согласится».

Погруженный в свои мысли, сторож не заметил Фею и ее служанки, которые верхом на метле свернули в ворота и через окошко проникли в магазин. На мгновение из-под шторы показалась полоса света, и сторож понял, что внутри кто-то есть.

Он подошел ближе и осторожно постучал.

— Кто там? — спросил голос служанки. — Что вы хотите в такое время?

— Я ночной сторож, мне нужно поговорить с вами по неотложному делу.

— Сейчас мы ложимся спать. Приходи попозже.

— Но я вам говорю, что дело срочное.

— Когда хочется спать, самое срочное дело — это лечь в кровать.

Послышался другой голос — голос Феи, который что-то спрашивал.

— Ничего, синьора баронесса, это всего-навсего сторож.

«Наверное, это хозяйка», — подумал сторож и позвал:

— Синьора баронесса! Синьора баронесса!

Услышав слово «баронесса», Фея смягчилась.

— Одну минутку! Сейчас я прикажу поднять штору. Входите, пожалуйста. Чем я могу быть вам полезна?

В двух словах сторож рассказал о случившемся. Фея без труда вспомнила Франческо.

— Я помню этого мальчика, — сказала она. — Он бедняк и, к сожалению, не числится в списках моих клиентов. Я никогда ничего не могла подарить ему. И мне было очень жаль мальчика, уверяю вас. Мне хотелось бы, чтобы

все дети были довольны. Я очень устала, но я пойду с вами в полицию. Вы довольны?

Через десять минут Фея и ночной сторож предстали перед дежурным полицейским.

— Мы хотим поговорить с начальником, — сказала Фея.

— В такое время? Да вы еще не проснулись, что ли? Начальник придет в девять часов.

— Позовите его сейчас же!

— Позвать его? Да вы с ума сошли!

Фея разошлась:

— Я сошла с ума? Думай, что говоришь! К твоему сведению, я почти баронесса. И если ты немедленно не вызовешь начальника, будешь расквиртоваться в этом всю свою жизнь!

Словом, она совсем запугала дежурного. Бедняга вызвал начальника, бросая грозные взгляды на сторожа, который исподтишка потирал руки от удовольствия.

Приехал заспанный начальник. Фея и его отругала.

Что за темперамент, друзья мои! Эта сердитая старушка умела держать людей в руках!

— Хорош начальник! Почему вы позволяете держать целую ночь под арестом бедного мальчика?

— Но я никого не держу. Он остался здесь в ожидании допроса.

— А, так?! Ну что ж, допрашивайте его. И быстрее, у меня дома уже вскипел кофе.

Полицейский разбудил Франческо. Мальчик едва стоял на ногах от усталости. Холодок пробежал по его спине, когда он узнал Фею.

Конечно, она пришла обвинять его! Ведь она столько раз видела его у своего магазина. Может быть, Фея думает, что это он подготовил налет на ее магазин?

— Синьора, я ничего не взял, — прошептал мальчик, — это я поднял тревогу и позвал полицейских.

— Именно так и было, — энергично сказала Фея, — а теперь, когда все выяснилось, пойдем.

— Минутку, — всполошился начальник, — откуда вы знаете, что дело было именно так? Этот мальчик мог солгать! Мы захватили его в компании двух опасных воров.

— Солгать? Неужели я стала так стара, что не могу понять, когда мальчик говорит правду, а когда врет? Этот мальчик спас мой магазин, а вы посадили его в тюрьму, вместо того чтобы наградить. Где же справедливость? Но я сама позабочусь о том, чтобы отблагодарить его. Пойдем!..

Начальник развел руками. С этой грозной старушкой ничего нельзя было сделать. Она взяла Франческо за руку, бросила сердитый взгляд на полицейских и направилась к двери. Часовые отдали ей честь, как генералу, и уверяю вас, что в этот момент походка Феи была более величественна, чем походка самых великих генералов истории.

Ночной сторож от радости не рассчитал разбега и вместо того, чтобы прыгнуть в седло велосипеда, перемахнул через него и свалился в снег.

— Не ушиблись? — спросила Фея.

— Чепуха, я чертовски рад за мальчика! — ответил сторож.

Он дружески попрощался с Франческо, поцеловал ручку Феи и удалился.

— Симпатичный парень, — заметила Фея, смотря на руку, которую он поцеловал. — Знает, как вести себя с настоящей синьорой.

Другой рукой она держала вспотевшую от волнения руку Франческо.

Фея была не такая уж плохая: это она освободила его, а сейчас держала за руку и вела по темному городу, как старая храбрая бабушка.

Служанка не поверила своим глазам, когда увидела их обоих. Она сразу же приготовила третью чашку кофе и вынула из шкафа стеклянную вазу со старыми, засохшими пирожными. Пирожные были крепкие, как цемент, но зубы Франческо были еще крепче; он жевал до тех пор, пока ваза не опустела.

— Смотрю я, как ты перемалываешь эти пирожные, и завидую. Мне бы такие крепкие зубы, — говорила Фея.

Франческо, улыбаясь, смотрел на нее. Потом он встал:

— Мне нужно вернуться домой, а то мама уже, наверно, беспокоится.

Фея почесала за ухом.

— Я хотела подарить тебе что-нибудь, — сказала она. — Но в эту ночь я опустошила весь магазин, в нем остались одни только мыши. Я знаю, тебе нравится этот чудесный электрический поезд Голубая Стрела, но я не знаю, куда он делясь.

— Неважно, — улыбаясь, ответил Франческо. — Тем более что у меня даже нет времени играть. Вы же знаете, мне приходится работать. В полдень я продаю газеты, а вечером продаю карамели в кинотеатре.

— Послушай, — сказала вдруг Фея, которую осенила какая-то идея. — Я уже давно собираюсь взять себе в магазин приказчика. Он должен содержать в порядке игрушки, следить за почтой, подсчитывать выручку. По правде сказать, я стала хуже видеть и уже не могу работать так, как раньше. Хочешь быть моим приказчиком?

Франческо затаил дыхание от радости.

— Быть приказчиком Феи! — воскликнул он.

— Приказчиком магазина, конечно. Не думай, что я пошлю тебя на метле разносить подарки клиентам.

Франческо осмотрелся вокруг. Каким красивым казался ему сейчас магазин, пусть даже с пустой витриной и со шкафами, заваленными бумагой!

— На этой работе не обморозишь руки, — весело проговорил он, показывая распухшие от мороза пальцы. — А газеты я лучше буду читать, чем продавать.

— Значит, договорились, — сказала Фея. — Завтра приступишь к работе.

Франческо поблагодарил и попрощался с ней. Он вежливо раскланялся и со служанкой, которая немножко ревновала его к хозяйке. Но она не могла долго злиться на мальчика, который так доверчиво смотрел на нее, и улынулась ему на прощание.

— Подожди-ка, — сказала Фея. — Я вызову тебе коляску. Теперь ты у меня на службе, и я не хочу, чтобы ты простудился.

Коляску! До этого дня Франческо несколько раз ездил на коляске, прицепившись сзади, где обычно шалуны прячутся от кучера и его кнута. Теперь же он забрался на кожаное сиденье, кучер покрыл ему ноги чудесным желтым ковриком, влез на козлы и щелкнул кнутом.

Лошадь тронулась мелкой рысцою.

«Как жаль, что никого еще нет на улице, — думал Франческо, глядя на небо, которое только еще начало чуть-чуть светлеть. — Никто не увидит меня в коляске. Но когда я приеду домой, то, прежде чем слезть, позову маму. Она и братики подбегут к окну, и в это время я сойду с коляски. Вот вытаращат они глаза!»

Его веки становились все тяжелее и тяжелее. Потом они сомкнулись, и он крепко заснул, убаюканный мягким покачиванием коляски, плавно катившейся по снегу.

КНОПКА ХОЧЕТ УМЕРЕТЬ

Дневной свет вывел Кнопку из оцепенения.

«Пока я еще двигаюсь, — подумал он, — незачем умирать от холода на пороге необитаемого дома. Я слышал о собаках, которые умирают на могиле своего хозяина, но у меня еще нет хозяина, а этот дом не могила. Разомну-ка я немного ноги».

Он попробовал завилать хвостом, но это удалось ему с трудом, так как хвост совсем замерз. Затем он сунул нос в снег (оттого, он слышал, согревается кончик носа). Потом Кнопка стряхнул снег со спины и отправился в путь. Куда? Неважно. Не всегда собаки знают, куда они идут. А это ведь настоящие собаки, так что же вы хотите от игрушечного щенка?

Кнопка бродил по городу, увертываясь от бесчисленных трамваев и проваливаясь в лужи.

Один раз в витрине он увидел свое отражение.

«Странно, — подумал он, — по-моему, я стал больше. Очень странно: за целый год в витрине Феи я не вырос ни на сантиметр».

Он прошел мимо бронзового Памятника патриота на лошади и окликнул его. Памятник не шевельнулся и не ответил.

Выпало много снега, и борода патриота стала совсем белой, а лошадь покрылась толстым холодным покрывалом. Кнопка несколько минут смотрел на него. Затем вздохнул и побежал прочь, потому что большой ком снега сорвался с гривы лошади и устроил щенку хороший душ, в котором он совсем не нуждался.

Внезапно раздался звонок. Кнопка обернулся и увидел ехавшего на велосипеде приказчика с большой корзиной за плечами. Щенок скрылся в подъезде и подождал, пока тот проедет. Он не очень доверял людям. В конце концов это был дикий пес, почти волк.

Правда, волк не лесной, а витринный.

Кнопку тяготило одиночество. Он так хотел бы поболтать с кем-нибудь. Разве можно жить без друзей, товарищей?

Он попробовал говорить с самим собой. Пристроился около лужи и стал разговаривать со своим отражением в воде.

— Куда ты идешь, бедный, маленький, заблудившийся и замерзший щенок? — спросил он.

— Куда ты идешь, бедный, маленький, заблудившийся и замерзший щенок? — ответила ему лужа.

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай?

— Что ты повторяешь мои слова, как попугай? — ответило отражение.

— Дурак! — разозлился Кнопка.

— Дурак! — ответило ему отражение.

Видите, как плохо быть одиноким? Вас сразу обзывают разными нехорошими словами.

Сейчас Кнопка отдал бы половину хвоста, лишь бы найти товарищей. Он попробовал побежать за приказчиком, проехавшим на велосипеде, но тот уже уехал слишком далеко, и Кнопка, высунув язык от быстрого бега, вскоре отстал и потерял его из виду. Но вот из боковой улицы выехал другой велосипедист. Кнопка радостно бросился ему навстречу. От неожиданности велосипедист потерял равновесие и свалился в канаву, заваленную снегом.

— Паршивый щенок! — закричал он, слепил снежок и с силой бросил его в щенка.

Снежок попал Кнопке прямо в глаз, и бедняжка с воем побежал прочь. Какой успех! Чуть было не подружился с велосипедистом!

Он присел у какого-то дерева и стал лечить глаз, из которого непрерывно текли слезы. Глаз невыносимо болел. Кнопка согласился бы вырвать глаз, только бы не чувствовать этой боли.

Рассвело. Небо уже не казалось таким низким и черным, оно стало серым и поднялось высоко над крышами.

«Будь сейчас луна, я смог бы повить и полаять на нее, как делают другие собаки, — подумал Кнопка. И тут же возразил себе: — Другие собаки, но не ты, не умеющий лаять».

Над этим вопросом Кнопка размышлял долго. Почему он не умеет лаять? Может быть, он еще маленький? Может быть, он мало упражнялся?

И вот он стал учиться лаять. Раздались жалкие и пронзительные вопли, от которых прослезились бы камни. Но у камней нет ушей, а у горожан есть. Одно, два, три окна распахнулись над головой Кнопки.

Несколько тазов холодной воды окатило Кнопку с ног до головы. С жалобным воплем он убежал прочь.

«Хороший результат! — думал Кнопка вне себя от отчаяния и смущения. — Еще один такой душ, и я перейду в другой мир, так и не научившись лаять».

Бедняга совсем отчаялся: «Лучше бы я пошел с моими товарищами. Теперь они сидят в теплой комнате. Скоро проснутся дети и так обрадуются им! А чего я достиг своей преданностью Франческо? Щенок не должен позволять себе роскошь — думать. Что мне теперь делать? Куда идти? Мне ничего не остается, как умереть».

Решив умереть, он растянулся на трамвайной линии. Первые трамваи уже счистили снег со стальных рельсов, и они отливали голубым светом в бледных лучах восходящего солнца. Но вот рельсы слегка задрожали.

Приближался трамвай. Пора. Прощай, Кнопка, тебе не повезло в жизни. Так встретить же смерть смело, как встретил ее Генерал. Бродячие собаки на твоём примере поймут, что нельзя оставаться в мире одиноким.

Трамвай быстро приближался, но в нескольких шагах от Кнопки резко затормозил. Вожатый прыгнул на землю.

— Смотрите, щенок! Щенок, который хочет умереть!.. Видали вы когда-нибудь такую картину?

Кнопка вскочил и, поджав хвост от смущения, побежал прочь. Даже умереть ему не давали спокойно.

— Эй, ты! — звал его вожатый. — Верный, Верный, иди сюда!

Он называл много имен, но Кнопка не ответил ни на одно, хотя прекрасно понимал, что у вожатого не было плохих намерений. Вернее, именно поэтому он и не отзывался. Он так отчаялся, что не желал больше ничьей дружбы. Ему хотелось только одного: умереть.

— Верный, Тузик, Ральф, Щенок, Послушный, иди сюда!

Кнопка даже не повернулся. Вожатый сел в трамвай, включил мотор и поехал дальше, сигнала и внимательно смотря на рельсы.

Кнопка спрятался за уличной тумбой. Трамваи с грохотом проходили в десятки шагах от него, но он не осмеливался выйти из своего укрытия. А как они весело сигналият, эти трамваи! Как сверкает солнце на трамвайных

окошках! Какие симпатичные, добрые лица у вожатых! Видно было, что эти люди, не задумываясь, снимут с себя куртку, чтобы укрыть замерзавшего щенка, а по утрам будут кормить его белым хлебом, намоченным в молоке.

Кнопка вздохнул.

Неподалеку послышался стук копыт. Старая лошадь медленно тащила по снегу коляску.

«Брошусь под коляску, — решил Кнопка. — Если лошадь не раздавит меня копытами, я все равно попаду под колеса».

Когда коляска была в двух шагах, он закрыл глаза и бросился под копыта. Но лошадь заметила его. Лошади хорошо видят, даже из-под шор. Копыта лишь пригладили взлохмаченную шерсть Кнопки, не причинив ему никакого вреда. Коляска чуть-чуть отклонилась в сторону — Кнопка остался цел и невредим. Тогда он всеми четырьмя лапами уцепился за коляску и повис сзади, где обычно цепляются шалуны, чтобы не получить кнута от кучера и проехать бесплатно.

По правде сказать, он устроился совсем неплохо: колеса поднимали легкую снежную пыль, которая свежей струей обдавала Кнопку. Под ним и по обеим сторонам коляски бежала белая гладкая дорога. Справа и слева отступали дома.

«Как хорошо ехать в коляске!» — подумал Кнопка.

Вы помните, то же самое подумал и Франческо.

«Буду ездить вместе с коляской взад-вперед, а потом видно будет, — решил Кнопка. — По-моему, кучер не заметил меня».

Через некоторое время Кнопке надоело ехать на запятках. Он решил сравнить, где лучше: в коляске или на запятках.

«Пожалуй, наверху гораздо лучше, — подумал он. — Там, должно быть, красные сиденья, как в купе первого класса Голубой Стрелы. Ручаюсь, что на сиденье можно вытянуться».

Пустив в ход зубы, лапы и хвост, Кнопка забрался в коляску. Внутри было тепло. Щенок почувствовал под ногами нежный, мягкий бархат.

«Немного темновато, — подумал он, — но даже лучше, чем в Голубой Стреле. Боюсь, что намочу подушку моими мокрыми лапами. Хотя не все ли мне равно? Я еду в коляске впервые в жизни и хочу как следует насладиться поездкой. Сейчас я растанусь на сиденье и посплю немножко».

Он вытянулся... но неожиданно стукнулся головой обо что-то, вернее, об кого-то.

«Кто же сидит в коляске?» — испуганно подумал Кнопка. Он открыл свои маленькие серенькие глазки, и вдруг сердце бешено забилося у него в груди.

Прислонившись к спинке сиденья, подложив под голову руку, в коляске спокойно спал какой-то мальчик.

КНОПКА УЧИТСЯ ЛАЯТЬ

— Франческо, — затаив дыхание пробормотал Кнопка.

Франческо пошевелился во сне и улыбнулся. Наверно, хороший сон видела сейчас эта каштановая головка с большим чубом, спускавшимся, как обычно, на лоб.

Кнопка лизнул ему руку. Впервые в жизни он лизнул руку своему другу, и это показалось ему самой приятной вещью в мире.

«А я бросался под трамвай, — думал он. — Я чуть не погиб под коляской Франческо. Какая ужасная была бы смерть!»

От счастья он закрыл глаза, но сразу же снова открыл их, боясь хоть на минуту потерять из виду спящего мальчика. Хвост Кнопки тихо постукивал по бархату сиденья. Он бросил рассеянный взгляд на хвост и удивился, как тогда, когда он увидел в луже свое отражение.

«Странно, этот хвост не похож на тот, который был раньше. Не пришли же мне новый!»

Это замечание Кнопки относилось к одному эпизоду в его жизни, о котором я вам не успел рассказать. Когда он еще жил в магазине, мыши однажды отгрызли ему хвост.

Но Фея, осматривая как-то магазин, заметила это и пришла ему новый.

«Этот мой хвост не похож на те, которые можно отрезать ишивать, — думал Кнопка. — Это не тряпичный хвост».

Он попробовал ухватить хвост передними лапами, но это ему не удалось. Увлечшись, он несколько раз кувыркнулся на сиденье и в конце концов свалился прямо на Франческо, который поморщился во сне.

«Как хорошо! Не хватало еще, чтобы я сделал мальчику больно! Пропавший я совсем пес! — упрекнул сам себя Кнопка, а потом стал оправдываться: — В конце концов рано или поздно он все равно должен проснуться».

Франческо спал теперь не так крепко. Он поворачивался, двигал руками, открывал рот, как бы желая что-то сказать. Может быть, он подымался на поверхность из сна, глубокого, как море.

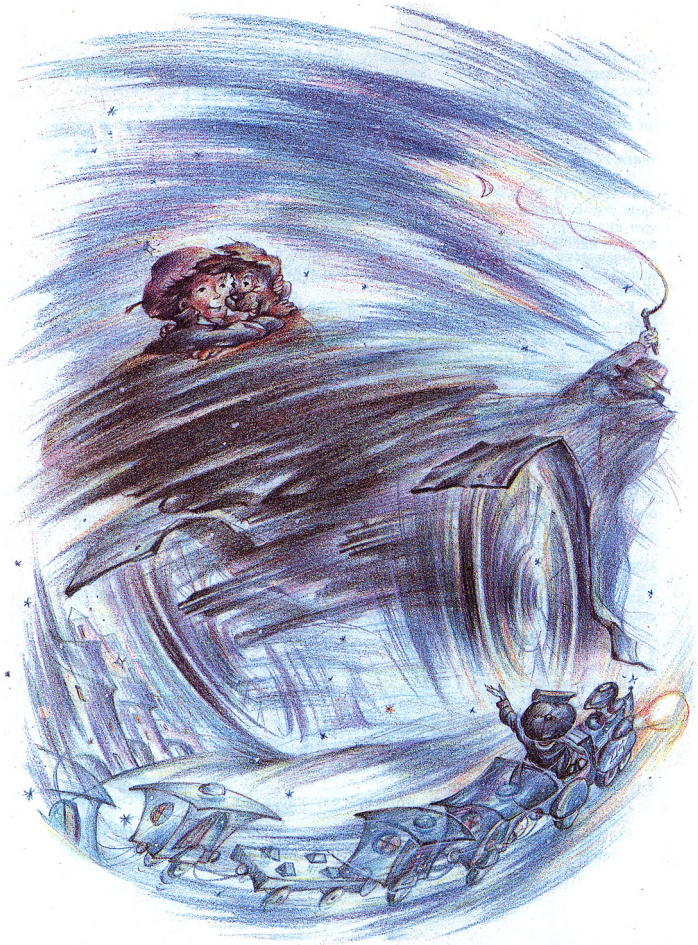
— Проснись, — попросил Кнопка, — проснись, Франческо. Я уже давно здесь, а ты ни разу не взглянул на меня. Проснись, уже пора!

Франческо открыл глаза и сразу же зажмурился: утренний свет хлынул ему в глаза серебряной струей.

Он никак не мог вспомнить, что с ним случилось, и с удивлением спросил:

— Где я?

Но стук лошадиных копыт, ставший внезапно более громким (коляска проходила как раз по той части города, где снег уже счистили), напомнил

ему все события этой удивительной ночи. Он открыл глаза и увидел пса, который вилял хвостом, смотрел на него и, казалось, по первому знаку готов был броситься к нему в объятия.

— Песик! — весело воскликнул Франческо. — Откуда ты взялся?

Он сел поближе, но еще не осмеливался протянуть руку и погладить щенка.

— Может быть, мне его подарила Фея? Может быть, это мой новогодний подарок?

Но потом засмеялся. Фея дарила игрушки, а не настоящих псов с ласковыми, преданными глазами, с настоящим хвостом, который плясал в воздухе, как маленький флажок под порывом ветра. Вы, наверно, уже сами догадались, что Кнопка не был больше игрушкой. Он стал настоящим псом.

Франческо ласково погладил его по спине, сначала робко, одной рукой, потом смелее, обеими руками. Кнопка только и ждал этого приглашения: проворный, как ящерица, он вскочил на колени к мальчику и весело залаял.

Да, вы правильно меня поняли: именно залаял. Впервые в жизни Кнопка услышал, как из его горла вылетают сильные, энергичные звуки, так не похожие на его обычный визг; эти звуки казались ему песней и отдавались в голове, как колокол.

«Я лаю», — только и успел подумать он и сразу же перестал думать. Зато теперь он стал наслаждаться этим новым, неиспытанным чувством. Он лаял так громко, что Франческо рассмеялся:

— Похоже, что ты лаешь впервые в жизни. Но голос у тебя неплохой.

Кнопка перестал быть игрушкой из папье-маше и тряпок; он чувствовал, как в груди его бьется настоящее, живое сердце. Когда его гладили, он не оставался теперь холодным и безразличным, как игрушка, а весь был теплый, живой и дрожал, как птица.

Это произошло потому, что он нашел себе настоящего друга и не был больше одиноким.

Услышав этот лай, удивленный кучер обернулся. Он увидел мальчика и пса, которые весело боролись на старых, потертых подушках сиденья: псы и ребята не видят особой разницы между лужайкой и сиденьем коляски. Как только они найдут немного свободного места, так сразу же начинают вертеться юлой.

— Откуда же к нам прыгнул этот пес? — смеясь, спросил кучер.

— Не знаю. Когда я проснулся, он уже сидел здесь и лизал мне руку. Кучер кашлянул и принялся рассказывать какую-то длинную историю.

— Однажды подобрал я одного пса. Дело было так: ехал я со станции; в коляске лежал багаж и сидели пассажиры. Лошадь в тот день совсем не хотела двигаться. Шел дождь, а у лошадей ведь тоже есть свои капризы. Правду говорит пословица...

Но Франческо и Кнопка так и не узнали ни что говорит пословица, ни чем кончилась история кучера. Старик говорил, говорил, а два друга — я чуть не сказал: два мальчика — уже обнаружили, что вдвоем можно играть, смеяться, развлекаться. И пасмурный день в занесенном снегом городе вдруг показался им радостным и светлым, как солнечный день на берегу моря.

ЧТО ТАКОЕ ДРУГ

На следующий день Франческо пошел на работу в магазин Фея. Кнопка, конечно, последовал за ним. Они не могли расстаться ни на минуту. Франческо брал его на ночь к себе в кровать, и ранним утром Кнопка будил его нетерпеливым лаем, который означал: «Вставай, не трать столько времени на сон. У нас еще тысяча дел. Нам нужно поваляться в снегу, сбегать наперегонки до стены фабрики, проверить, кто дальше прыгает. Вставай, вставай скорее!»

Всю дорогу они продолжали играть.

Фея, по правде сказать, сморщила нос при виде пса.

— Пес? Ты хочешь держать его в магазине?

— Если вы разрешите, синьора.

— Гм... Нет ли у него случайно блох?

— Нет, синьора. Это чистый пес.

— Да, да... Мне кажется, что я где-то его уже видела. Тереза, взгляни-ка на этого пса! Ты помнишь, где мы его видели?

— Нет, синьора баронесса. Впрочем... Подождите-ка... Знаете, на кого он похож? На щенка, который сидел у нас в витрине на прошлой неделе. Посмотрите, у него хвост светлее, чем остальная шерсть.

— Ты права, он очень похож на нашего щенка. Правда, тот был поменьше.

— Да, синьора баронесса, наш был немного поменьше.

Кнопка залаял, чтобы они вспомнили его. Но Фея сказала смеясь:

— А кроме того, тот не лалял.

— Да, синьора баронесса, он не лалял.

Франческо разрешили держать пса, но только с условием, что тот не будет сорить и ломать игрушки.

За один день Кнопка научился предупреждать лаем о приходе покупателя. Научился смиренно сидеть на задних лапах, держа во рту кружку, куда покупатель бросали чаевые для Франческо. Научился развлекать маленьких ребятшек, пока их мамы беседовали о том о сем с синьорой Феей.

В свободное время, когда покупателей не было, Франческо и Кнопка играли вместе новыми игрушками, которые Фея привезла к следующему Новому году. Это был все новый народ, незнакомый Кнопке: реактивные самолеты, ружья, стреляющие сжатым воздухом, огромные океанские пароходы с сотнями пассажиров.

«Бедняжка Полубородый, — думал Кнопка, — каким жалким казался бы его парусник рядом с этими гигантами!»

Со всем этим народом Кнопка не разговаривал. Все они были молчаливые и неподвижные и не желали вступать в разговор.

Может быть, между собой они и беседовали, как это раньше делал Кнопка со своими друзьями. Но теперь Кнопка не был одним из них: он принадлежал к миру настоящих людей с настоящими, а не нарисованными, как у трех марионеток, сердцами.

Франческо тоже почти не играл с игрушками. Он предпочитал целыми часами бороться и кувыряться с Кнопкой.

— Все игрушки мира не стоят одного друга, — говорил Франческо на ухо Кнопке.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

— Мы всегда будем друзьями! Не расстанемся никогда!

— Никогда! Никогда! — лаял Кнопка.

Фея выглядывала из двери магазина и, глядя поверх очков, спрашивала:

— Что он так лает, этот демон?

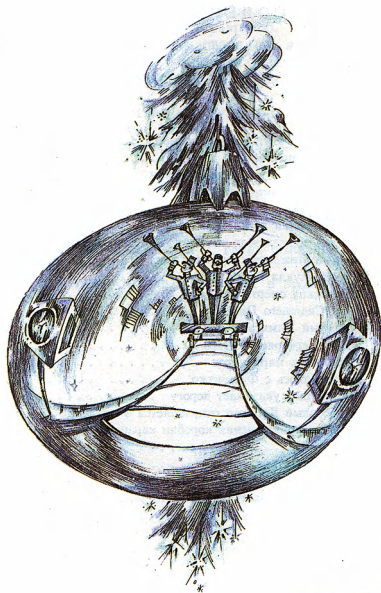
— Он доволен, синьора. Он рад, что живет в этом мире.

И Кнопка лаял:

— Да! Да!

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.	Сеньора без пяти минут баронесса	5
Глава II.	Витрина наполняется	10
Глава III.	Полубородый Капитан взволнован	17
Глава IV.	Начальник Станции не знает, что делать	23
Глава V.	Идея Кнопки	24
Глава VI.	На следующий вечер	28
Глава VII.	Желтый Медвежонок выходит на первой остановке	33
Глава VIII.	Главный Инженер сооружает мост	41
Глава IX.	Прощай, кукла Роза!	47
Глава X.	Героическая смерть Генерала	52
Глава XI.	Полет Сидящего Пилота	59
Глава XII.	Бронзовый Памятник	64
Глава XIII.	Подвиг Серебряного Пера	70
Глава XIV.	Сердца трех марионеток	75
Глава XV.	Что случилось с Франческо	79
Глава XVI.	Мотоциклист указывает дорогу	85
Глава XVII.	Полубородый Капитан отправляется в плавание	88
Глава XVIII.	Чудесные приключения коробки карандашей	91
Глава XIX.	Будка № 27	103
Глава XX.	Франческо едет в коляске	109
Глава XXI.	Кнопка хочет умереть	116
Глава XXII.	Кнопка учится лаять	121
Глава XXIII.	Что такое друг	124

Джанни Родари
ПУТЕШЕСТВИЕ
ГОЛУБОЙ СТРЕЛЫ

Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Г. Смирнова*
Корректоры *Н. Кузнецова, И. Сахарук, Л. Чуланова*

Подписано к печати 04.01.93. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 55,44. Уч.-изд. л. 12,04. Тираж 200 000 (1 — 100 000) экз. Заказ 934.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.
Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ДЖАННИ РОДАРИ

ДЖАННИ РОДАРИ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ГОЛУБОЙ
СТРЕЛЫ

